YD
945

618 Hlay

№ 618 Шкар
1834
283979
10761
8-18
У. 45
Шербаков
3р.

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія *Думы.*

КНИГА II. Пѣсни Козацкія *былевыя.*

КНИГА III. Пѣсни Козацкія *бытовыя.*

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1834.

Переобліковано 1937 р.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 23 го дня 1854 года.

Ординарный Профессоръ, Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

(Цѣна 3 руб.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ описывается фантазія народная.“

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 150 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ нами высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое Собраніе: и оно теперь простирается уже до $2\frac{1}{2}$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со-временемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя *П. П. Цертелева* — перваго издате-

ля Украинскихъ Думъ, *И. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпиговскаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Кулиженка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я пріобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ предоставить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *Думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно-Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитóй старины. Другіе народы въ память важныхъ произшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

ваетъ минувшее: событія Козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную Лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II й части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ Козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III й части собраны *пѣсни гуляшныя*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгулъ, каррикатура и т. п.

Въ IV й части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ бо́льшею придуманностію, по восходящею до символической восторженности, по облекающеюся въ прелесть идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой Поэзіи народа. Благоуханные вѣчносвѣжіе цвѣты ея произрастаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ Думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ спа-

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хотѣлъ-было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ отложить это впредь, поелѣдняя перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находятся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Краткая Грамматика Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 3 No Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: бо́льшая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже одинѣ и тѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *П. В. Кирѣевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки* Украинскихъ пѣсенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ поясните льными примѣчаніями о мѣстахъ, лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ, а кто можетъ, то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, что̀ умѣютъ вполнѣ *пропѣть*. Всякая пѣсня, *какого бы ни была содержанія*, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ̀ пѣсенъ̀, поэтическія не менѣе словъ ихъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсенъ, (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ̀*, уже вышла въ свѣтъ.

М. М.

Москва, 21 Мая.

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украйнѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ *Веснянки* (№ 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) напѣвъ извѣстной пѣсни *Антонъ козу ведетъ*, существуетъ у Нагайскихъ Татаръ, которые подъ него пляшутъ или лучше сказать толкутся на одномъ мѣстѣ, сцѣпившись въ длинную веревицу.

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВОПРОИЗНОШЕНІИ (*).

I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есть І, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: мои, твои; 2) *мягкое*, болѣе гортанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго Ы въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква И *послѣ гласныхъ* и буква Ѣ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (*паеркомъ* ^) — â, ê, и̂, î, ô, ŷ.

(*) Употребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я старался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласивъ оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читаютъ сообразно своему выговору природному; 2) употребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажется слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними отчасти согласенъ въ этомъ, и думаю, что для домашняго обихода простѣе *Слобожанскій* способъ писанія, по

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паерколѣ*) произносятся какъ *мягкое* І.

Примѣры: мы ходили битымп шляхами; якій ты милый: въ этихъ словахъ вездѣ одно *мягкое* І. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходылы бытымы шляхамы.) — Мôй кôнь пêсъ вôдсêль крâй дороги мêжъ камêньями; îхъ конî дорогіи; дѣвка пôшла за-мŷжъ, слêзми обливается; у сына синîй нôсъ. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мій кинь нисъ видсиль крій дорогы мижъ каминьямы; ихъ дивка пишла за-мижъ, слизмы облываецьця; у сына сынїй нисъ.)

которому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, стараются писать, слѣдуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ѣ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія остраго І употребляютъ только И, І, а для мягкаго — Ы; пишутъ гнуцьця, облываецьця и т. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писать *малако, кажетца, майо, свлтова* — но это не есть *правописаніе*, и въ Граммашикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказать и то, что правописаніе есть такой предметъ, по которому не бываетъ полнаго согласія и въ самыхъ образованныхъ литературахъ, и мѣлкія отмѣнки онаго болѣе или менѣе составляютъ особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводить что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличая старинныя письмена и множество

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро;* послѣ согласныхъ выговаривается *твердо;* и иногда только выговаривается какъ *іо*, когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, гостирый; въ немногихъ словахъ, кажется только иностранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсенъ, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (большею частію не заботившихся объ искуственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Котляревскаго, въ которомъ и буква Ѣ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно спавится по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣтку па́еркомъ буквъ î, î, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ô, ê, â, ŷ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ остроє î. Спавше вмѣсто ихъ букву И, отбросивше паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Котляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Грамматикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что̀ сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

IV) Буква В не выговаривается какъ *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узявъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (ужé, вже; у ёго, въ ёго; умираю, вмираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вôнъ, вонá, воно́, вôвса, вôвця, въ вôчи (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: повный повкъ, вовкъ, жовтый. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лъ*, всегда имѣетъ *въ* (ходивъ, гулявъ).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: *зѣлья*, зѣлля; *коханья*, коханья; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ь, но часто Н; напримѣръ: имья, время, памятъ. Глагольное окончаніе *тся* или *ться*, выговаривается *цця* или *ццця*; да и вообще *тс* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи оваши, въ словахъ: табуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно иому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять ŏ, что̀ и будетъ *ъ*, прежде употреблявшійся въ срединѣ словъ (вълкъ).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вкралось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія:

Въ книгѣ первой.

Спр. 21 стихъ 1. Украйнѣ — *чит.* Украйнѣ.
— 33 сизые орлы — *чит.* быстрые орлы.
— — степью розлеглась — *чит.* степью разлеглась.
— 56 внизу, Вмѣсто: Надо́локъ — заступъ? кажется должно поставить: надѣ́локъ — ножны?
— 57 стихъ 5. пытала — *чит.* пытала.

Въ книгѣ второй.

— 67 —— 1340 г. два раза ошибкою поставленъ вмѣсто 1320.
— 68 —— Дума X — *чит.* Дума IX.
— 74 —— Пѣсни о *Морозенкѣ* должно перенести въ третій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
— 111 спр. 10. 32 пѣсня относится къ 1731 (1761 явная опечатка).
— 115 Внизу опечатка: ра́поръ *чит.* Пра́поръ.
— 126 Землею Донскою *чит.* Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія пърсты на живая струны въскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокотаху!

Пѣснь Игорю.

А. — *Думы* суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Онѣ *пѣсень* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ поэтическихъ стоповъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: иногда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда риѳмованные. Содержаніе ихъ большею частію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 Думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько Думъ Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я Думу 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней читатели найдутъ двѣ любопытныя Думы, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Баторія* и *смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Сирячки* (И. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандуристовъ есть большая Дума, въ которой воспѣвается *Дашковичъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились Думы и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича-Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію стариковъ-Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНІЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна — ту́гою взыдоша по Руськой землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — Сѣчью называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій таборъ или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ или Хортицѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* таже что и *Засѣки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на части, называемыя куренями, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холивы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Бакорѣ Украйна раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сотеннымъ городомъ), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ такого собирательнаго значенія, *Куренемъ* въ Украйнѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ тростника (очере́та), либо орѣшника крытаго соломой, дѣланный для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игоревой лѣтописи упоминается о *ку́рлхъ* Тмутараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *ку́рею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Коповаго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Писарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Курсней были свои частныя Рады *(до Куреня)*.

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ѲЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Атаманъ, можетъ быть, есть тотъ самый Безродный (Ѳома), который былъ Войсковымъ Писаремъ при отважномъ Геньманѣ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагóю (1) Днѣпровóю
Молоды́й козáкъ обѣ́дъ обѣдáе; не дýмае, не гадáе,
Що на ёго молодóго, щé й на чýру (2) малóго бѣдá настигáе.

То не вéрбы луговы́и зашумѣ́ли . . .
Якъ безбóжны ушкалы́ (3) налетѣ́ли,
Хвéдора Безрôдного, Отáмана Курêнного,
Постреля́ли, порубáли — тôльки чýры не пôймáли.

То малы́й чýра до козакá прибувáе (4),

(1) Сагá — заливъ. Болóньемъ называется собст. лугъ, лугомъже назывался лѣсъ, покрывающій низменныя мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того *лугъ* называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часто говорится о *шумѣ* луга. Отъ пороговъ за Днѣпромъ идетъ *великій лугъ*, и у Запорожцевъ *(Лугарей)* была пословица: *Сѣчь мати, а великій лугъ батько.* (2) Чýра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы́ — разбойники. Не суть-ли это Русскіе *ушкуйники*, разъѣзжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкуями*. (4) Прибувáти — прибывать приходить. Бýти — быть.

Ра́ны ёму́ глыбо́кiи промыва́е. То коза́къ ёму промовля́е (5):.

„Чу́ро мо́й, чу́ро! Ве́рный слу́го!
По́йди́ вы степо́мъ по-надъ Днѣпро́мъ.
Послу́хай (6) ты, чу́ро: чи (7) то гу́сы кричя́ть,
чи ле́беди́ ячя́ть,
Чи ушкалы́ гуду́ть, чи мо́же (8) козаки́ Днѣпро́мъ
иду́ть?
Коли́ гу́сы кричя́ть, або́ ле́беди́ ячя́ть — то
сжени́ (9);
Коли́ ушкалы́ гуду́ть — мене́ зхорони́;
Коли́-жъ козаки́ иду́ть — то объяви́,
Неха́й воны́ човны́ до бе́рега привертаю́ть,
Мене́ Хве́дора Безро́дного навѣщаю́ть.“ —

То чу́ра малы́й по бе́регу пробѣга́въ,
Козако́въ забача́въ (10), ша́пкою маха́въ, слова́ми
промовля́въ:

— Пано́ве-молодцí! до́бре вы дба́йте (11),
Човны́ привертáйте, до Опа́мана Курѣнного поспѣша́йте!

То козаки́ пе́е зачу́ва́ли (12),
До бе́рега привертáли, Опа́мана навѣща́ли.

(5) Промовля́ти — говорить, промолвить. Мовъ — словно. Мо́ва — рѣчь. (6) Слу́хати — слушать. (7) Чи — ли, ставится въ началѣ слова. (8) Мо́же — можетъ быть; ма́буть — видно, знать. (9) Жену́, гна́ти — гоню, гнать. (10) Забача́ти — завидѣть; ба́чу — вижу; ба́читься — кажется, сдаётся. (11) Дба́ти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. вм. прiобрѣтать; до́бре — хорошо. (12) Чу́ти — слышать.

Тогди̂ коза́къ чу́ру выхваля́е, слова́ми промовля́е:
„Чу́ро мо̂й, чу́ро! вѣ́рный слу́го!
Коли́ ты бу́дешь вѣ́рно пробува́ти,
Бу́дуть тебе́ козаки́ поважа́ти!“
То те́е промовлявъ, опроще́нье зо всѣ́ми бравъ,
Милосе́рдому Бо́гу ду́шу отда́въ. —
Тогди̂ козаки́ ша́блями суходо̂лъ (13) копа́ли,
Ша́пками, припо́лами (14) пе́рсть выйма́ли,
Хве́дора Безро̂дного хова́ли,
Въ семипья́дни̂ пища́ли̂ грема́ли,
У суре́мки (15) жало̂бно выхваля́ли:
То ще до́бре коза́цька голова́ зна́ла,
Що безъ во̂йська коза́цького не вми̂ра́ла!

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаетъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаетъ, что его молодаго, и его малаго чуру бѣда настигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . . безбожные разбойники налетѣли; *Ѳедора Безроднаго* Куреннаго Атамана пострѣляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ ма́лый чура приходитъ къ козаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему козакъ: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! Пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходо̂лъ — земля сухая. (14) Припо́лы — концы полъ. (15) Сурма́ и Суре́мка — труба, Сурма́чъ — трубачь. Сурми́ти — трубить.

гуси-ль то кричатъ; ячатъ-ли то лебеди, разбойники-ль гулятъ, или можетъ, козаки Днѣпромъ идутъ? Коли кричатъ гуси или ячатъ (*) лебеди, то сгони; коли разбойники гулятъ, схорони меня; коли жь козаки идутъ, то скажи, пусть они челноки свои приворачиваютъ къ берегу и навѣстятъ меня козака Ѳедора Безроднаго.

Вотъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машетъ шапкою, говоритъ словами: Паны-молодцы! сдѣлайте доброе дѣло, приворачивайте челноки, поспѣшайте къ Атаману Куренному.

Козаки то услышали, къ берегу причаливали, Атамана навѣстили.

Хвалитъ козакъ чуру и говоритъ такія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли ты будешь вѣрно жить, будутъ тебя козаки чтить.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу отдалъ душу.

Тогда козаки саблями копали суходолъ, выгребали землю шапками и приполами, хоронили Ѳедора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей, и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣ́ло козацкая голова знала, что безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Яча́ть — говорится про крикъ лебедей, который въ Русскомъ языкѣ кажется, не выражается особымъ словомъ. Кукушка (*зозуля*) — куе́тъ; воронъ — кря́четъ, гру́етъ (въ Пѣс. Игор. *граетъ*); кречетъ — ку́ркуетъ и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

*Муравскій шлях*ъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой сѣчи* (остр. Хортицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ пѣснѣ *о Морозенкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Ки. Церпелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ го́рода изъ Азо́ва не вели́кіи тума́ны вста-
ва́ли,
Три бра́та ро́дне́ньких ъ зъ тя́жкои нево́лѝ вте̂-
ка́ли (16).
Два ко̂нныхъ; тре́тій пѣ́шій за ни́ми по́дбѣга́е,
На сыре́ корѣ́нья, на бѣ́ле камѣ́нья
Но̂жки́ свои́ коза́цькіи посѣка́е, кро́вью слѣ́ды
заliва́е,
До ко̂нныхъ брато̂въ добѣга́е, слова́ми промовля́е.

(16) Уше̂ка́ти — убѣгать, уходить.

„Стáньте вы, брáтця! кóней попасéйте, менé пóдождéйте,
Зъ собóю вóзьмéйте, до городóвъ хресцянськихъ пóдвезéйте.“
То середýльшій (17) тéе зачувáвъ, стáршого пышáвъ;
То стáршій ёмý словáми промовлáвъ:
– Чи щé-жъ тобѣ не далáся тяжкая невóля знáйти?...
Якъ бýдемъ мы брáта дожидáти,
Бýде насъ погóнь доганяти, бýде насъ стрелáти, рубáти,
Абó (18) въ тяжкóй робóтѣ бýдемъ пропадáти. —
„Колú-жъ менé, брáтця, не хóчете ждáти —
Спавъ мéньшій промовлáти —
То прошý васъ, брáтця: на прáву спóрону зверпáйте,
Шáблú изъ пóхвъ (19) винúмáйте, нѣло моé порубáйте,
Въ чúстóмъ степý поховáйте (20),
Звéрю да птúцѣ на потáлу (21) не дáйте!“ —
То середýльшій тéе зачувáвъ,
Словáми промовлáвъ:
— Сёгó, брáте, изъ-рóду нúгдé не чувáли,
Щобъ рóдною крóвью шáблú обмывáли,
Абó гóстрымъ спúсомъ (22) опрощéнье брáли. —

(17) Середýльшій или середýщій — средній. (18) Абó — либо. (19) Пóхва — ножны. (20) Ховáти — хоронить, прятать. (21) Потáла — покормка. (22) Спúсъ — копье, пика. Гóстрый — острый.

„Коли́-жъ не хо́чете, бра́тця, мене́ руба́ти,
То прошу́ васъ, бра́тця, якъ бу́дете до байра́-
ко̂въ прибува́ти,
Терно́ви̂ вѣ́тки въ запо̂лье (23) руба́йте,
Менѣ́ призна́ку покида́йте!“ —
То вже́ два казаки́ въ байраки́ въѣзжа́е;
Середу́льшій бра́тъ милосе́рдіе ма́е:
Верховѣ́тья у терно̂въ зтина́е (23′),
Ме́ньшому бра́ту примѣ́ту покида́е.
А якъ ста́ли на Мура́вській шляхъ выѣзжа́ти,
Нѣ́чѣмъ ёму́ призна́ко̂въ покида́ти;
Во̂нъ черво́ну (24) кита́йку зъ-по̂дъ жупа́на (25)
выдира́е,
По шляху́ розкида́е, ме́ньшому бра́ту примѣ́ту
зоста́вляе.
То якъ ста́въ пѣшехо́дець зъ терно̂въ выходи́ти,
Ста́въ черво́ну кита́йку находи́ти:
У ру́ки хвата́е, дро̂бными слёза́ми облива́е.
„Не-ду́рно (26), промовля́е, черво́на кита́йка по шля́-
ху валя́е,
Ма́буть (27) мои́хъ брато̂въ на свѣ́тѣ нема́е! . . .
Ма́буть за ни́ми зъ го́рода Азо́ва пого́ня встава́ла,
Мене́ въ терна́хъ на спочи́вѣ (28) мина́ла,
Брато̂въ мои́хъ доганя́ла, стреля́ла, руба́ла!

(23) Запо̂лье — завороты полъ. (23′) — ссѣкаетъ. (24) Черво́ный — красный (чермный). Червонная китайка весьма часто упоминается. (25) Жупа́нъ — кафтанъ. (26) Неду́рно, неда́рма — не даромъ. (27) Ма́буть — можетъ быть, видно. (28) Спочи́въ, опочи́вка, — отдыхъ, сонъ.

Коли́бъ менѣ Бо́гъ
Милосе́рдый помо́гъ
Тѣ́ло коза́цьке находи́ти,
Въ чи́сто́мъ степу́ хорони́ти!“ —
Що одно́ безво́дье, дру́ге безхлѣ́бье,
Тре́тье бу́йный вѣ́теръ въ по́лѣ повѣва́е,
Бѣ́дного козака́ зъ но́гъ валя́е . . .
— „Ой го́дѣ-жъ менѣ за ко́нными брата́ми угоня́ти,
Часъ менѣ козацьки́мъ нога́мъ по́льгу (29) да́ти!“
То ше́е промовля́въ, до Са́воръ-моги́лы прибува́въ,
По́дъ Са́воръ-моги́лою спочива́въ.
Въ той ча́съ си́зы орлы́ налѣта́ли,
Пи́льно (30) въ о́чи́ козако́вѝ загляда́ли.
Коза́къ ше́е забача́е,
Слова́ми промовля́:
„Орлы́ сизо-пѣ́ры,
Го́сти́ мои́ ми́лы!
Прошу́ я васъ тогди́ налѣта́ти,
Зъ ло́бу о́чи́ менѣ высыка́ти (31),
Якъ не бу́ду я свѣ́та Бо́жого вида́ти. . .“
То ше́е промовля́въ,
За ча́съ, за годи́ну милосе́рдому Бо́гу ду́шу одда́въ.
Тогди́ орлы́ налѣта́ли, зъ ло́бу о́чи́ высыка́ли,
Тогди́ ще й дро́бна пти́ця налѣта́ла,
Коло жо́втои ко́сти́ пѣ́ло оббира́ла.
Вовки́-сѣрома́ньци́ (31′) набѣга́ли, пѣ́ло коза́цьке
рва́ли,

(29) По́льга — льгота (польза! такъ вм. *нельзя*, говоряпъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *нельга́*). (30) Пи́льно, спи́льна́ — прилѣжно; пильнова́ти — прилѣжать. (31) Смыкати — дергать. (31′) Вовкъ сѣрома́нецъ — волкъ-сѣрякъ.

По шéрнахъ, по бáлкахъ жóвту кôсть жвакова́ли (32),
Жалôбнéнько квúлили, проквиля́ли (33):
Тó жъ воны́ коза́цькiи похоро́ны одправля́ли!
Дé-ся взяла́сь сúза зозу́ленька,
Въ голóвкахъ сѣда́ла, жалôбно кува́ла;
Якъ сестра́ бра́та, або́ ма́ти сы́на оплака́ла. —
Спа́ли кôнны браты́ до городôвъ хрестя́нськихъ дохожа́ти,
Спа́ла къ ихъ сердця́мъ вели́ка ту́га налига́ти.
То середу́льшiй братъ до спа́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Не-ду́рно къ на́шимъ сердця́мъ вели́ка ту́га налига́е:
„Ма́бутъ на́шого бра́та живо́го на свѣтѣ нема́е!
„Якъ бу́демо, бра́те, до опця́ й ма́тери прибува́ти?
„Якъ бу́дутъ воны́ насъ пыта́ти, то що́ ста́немо каза́ти?
То спа́ршiй братъ тée зачува́е,
До середу́льшого слова́ми промовля́е:
„Ска́жемъ: не въ одного́ па́на въ невóлѣ бува́ли,
Нôчно́и до́бы (33') зъ невóлi втѣка́ли,
Его́ со́нного буди́ли не збуди́ли,
Тамъ его́ въ невóлѣ й зостанови́ли!“
То середу́льшiй братъ тée зачува́е,

(32) Жвакова́ти — жрать, жвакать. (33) Квúлити, проквиля́ти — выть, завывать. (33') Ночною порою. До́ба — пора, времл.

До ста́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Якъ не бу́демъ опцю́ й ма́терй̂ пра́вды каза́ти,
То бу́де насъ опце́вська й матери́ньска моли́тва
кара́ти. —
Тодй̂ ста́ршй̂ браты́ на поля́ Сама́рськй̂ выѣзжа́ють,
Надъ ре́чкою Сама́рською опочи́вку собѣ́ ма́ють,
Ко́ней попаса́ють.
Въ той ча́съ безбо́жныи бусурма́ны набѣга́ли —
И тыхъ двухъ брато́въ поруба́ли,
Тѣ́ло коза́цьке карбова́ли (34),
Въ чи́сто́мъ по́лѣ розкида́ли,
Го́ловы на ша́блй̂ вздыйма́ли, до́вго глумова́ли!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Цертелевскомъ спискѣ сей Думы атаманъ Запорожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломыйченкомъ*: кто онъ такой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексѣя Поповича* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было ужс послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

---

(34) Карбова́ти — нарубать, рубить, — отсюда карбо́ванець — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чо́рному мо́рѣ на бѣ́лому ка́мнѣ
Ясне́нькій со́кôлъ жалôбно кви́лить, проквиля́е,
Сму́тно себе́ ма́е, на Чо́рнее мо́ре спи̂льна́ погляда́е.
Що на Чо́рному мо́рю недо́бре ся-почина́е,
Що на не́бѣ усѣ́ звѣ́зды пошмари́ло (35),
Полови́ну мѣ́сяца въ хма́ры (36) вступи́ло.
А изъ ни́зу бу́йный вѣ́теръ повѣва́е,
А по Чо́рному мо́рю супроти́вна хви́ля (37) встава́е,
Су́дна коза́цькî на три ча́стî розбива́е.
Одну́ часть взяло́ — въ зе́млю Ага́рську занесло́,
Дру́гу часть гôрло (38) Дуна́йське поже́рло (39),
А тре́тя—где́ ся-ма́е? —въ Чо́рному мо́рю потопа́е.
При тôй ча́стî бу́въ Грицько́ Зборо́вській
Ота́манъ коза́цькій Запоро́зській,
Той по су́дну похожа́е, слова́ми промовля́е:
„Хто-сь мêжь на́ми, пано́ве, вели́кій грѣхъ на собѣ́ ма́е!
Що-сь ду́же зла́я хуртови́на (40) на насъ наляга́е.
Сповѣда́йтесь, пано́ве, милосе́рдому Бо́гу,
Чо́рному мо́рю, и менѣ́ Ота́ману Кошово́му;
Въ Чо́рнее мо́ре впадѣ́те,
Вôйска коза́цького не губѣ́те!“
То коза́ки те́е зачува́ли, усѣ́ замовча́ли,
Бо въ грѣха́хъ себе́ не знава́ли.
Тôльки обôзва́вся Пи́сарь Вôйсько́вый, коза́къ лестро́вый,

(35) Пошма́рити — помрачить. (36) Хма́ра — туча. (37) Хви́ля — волна. (38) Гôрло, — устье. (39) Поже́рло — пожрало. (40) Хуртови́на — напасть, буря.

Пиря́тиньскій, попо́вичь Олексѣй:
„До́бре вы, бра́тця, вчинѣ́те (41), мене́ само́го, вôзьмѣ́те,
„Менѣ́ чо́рною кита́йкою о́чи̂ завяжѣ́те,
„До ши́и бѣ́лый ка́мêнь причепѣ́те (42),
„Да й у Чо́рнее мо́ре зôпхнѣ́те!
„Неха́й бу́ду оди́нъ погиба́ти,
„Коза́цького вôйська не збавля́ти!“
То козаки́ те́е зачува́ли, до Олексѣ́я По́повича промовля́ли:
„Ты-жъ святе́е письмо́ въ ру́ки бере́шъ, чита́ешъ,
„Насъ про́стыхъ люде́й на все до́бре наставля́ешъ,
„Якъ-же найбôльше одъ на́съ на собѣ́ грѣхôвъ ма́ешь?
— Хоча́ святе́е письмо́ я чита́ю,
Васъ про́стыхъ люде́й на все до́бре наставля́ю,
А я все са́мъ недо́бре почина́ю.
Якъ я́ изъ го́рода зъ Пиря́тина, пано́ве, выѣзжа́въ,
Опроще́нья зъ пан-отце́мъ и зъ пани̂-ма́ткою не бра́въ,
И на свого́ ста́ршого бра́та вели́кій гнѣ́въ поклада́въ,
И бли́зькихъ сусѣ́дôвъ хлѣ́ба-й-со́ли безневи́нно збавля́въ (43′),
Дѣ́ти малы́и, вдо́вы стары́и стре́мнямъ въ гру́дитовка́въ,

(41) Чиню́, чини́ти — дѣлаю. (42) Причепи́ти — прицѣпить; чепъ, ланцю́гъ — цѣпь. (43′) Збавля́ти — лишать, убавлять.

Безпе́чне по у́лицямъ коне́мъ гуля́въ,
Проти́въ це́ркви, до́му Бо́жого проѣзжа́въ,
Ша́пки зъ себе́ не зни̂ма́въ, хреста́ на се́бе не кла́въ.
За те́ я, пано́ве, вели́кій грѣхъ ма́ю, тепе́ръ погиба́ю!
Не е́сть се, пано́ве, по Чо́рному мо́рю хви́ля встава́е,
А е́сть се — мене́ отце́вська й матери́нська моли́тва кара́е!
Коли́бъ мене́ ся́я хуртови́на зла́я въ мо́рѣ не втопи́ла,
Одъ сме́рти̂ моли́тва борони́ла:
То зна́въ бы я отця́ й ма́тêръ шанова́ти, поважа́ти,
То зна́въ бы я ста́ршого бра́та за рôдного отця́ почита́ти,
И сестру́ рôдне́ньку за не́ньку (44) у се́бе ма́ти!" —
То якъ ста́въ попо́вичъ Олексій грѣхи́ свои́ сповѣда́ти,
То ста́ла зла́я хуртови́на по Чо́рному мо́рю стиха́ти,
Су́дна коза́цьки̂ до-горы́ (44') якъ рука́ми пôдôйма́ла,
До Те́нтрева о́строва прибива́ла.
То всѣ тогди̂ козаки́ ди́вомъ дивова́ли,
Що по яко́му Чо́рному мо́рю, по бы́строи хви́лѣ потопа́ли,
А ни̂ одного́ козака́ зъ-межы́ вôйська не втеря́ли! —
Отъ-же тогди̂ Олексѣ́й Попо́вичь изъ су́дна выхожа́е,
Бере́ святе́е письмо́ въ ру́ки, чита́е,
Усѣ́хъ про́стыхъ люде́й на все до́бре научае, до козакôвъ промовля́е:

(44) Не́ня, не́нька — родимая, матушка. (44') До-горы́ — вверхъ.

„Оп-тымъ-быто, пано́ве, тре́ба люде́й показа́ти,
„Пан-отця́ й пани́-ма́тку до́бре шанова́ти;
„Бо кото́рый чолове́къ те́е робля́е (45),
„Пове́къ той сча́стье собѣ ма́е,
„Смерте́льный ме́чъ того́ мина́е:
„Отцёва й ма́тчина моли́тва зо́дна мо́ря выйма́е,
„Одъ грѣхо́въ смерте́льныхъ ду́шу одкупля́е,
„На по́лѣ й на мо́рѣ на по́мо́чъ помага́е!

---

(45) Роблю́, роби́ти — дѣлаю, дѣлать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Уже́ бо, братіе, не веселая година всстала: всстала обида въ силахъ Дажь-божа внука ... Ваю храбрая сердца́ въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ бу́ести закалена ... Мужаимъся сами! предшюю славу сами похитимъ, а задшюю ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, братіе, ста́ру помолодѣти? Коли соколъ въ мышехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!

... Луце-жъ бы потяту быти, неже полонену быти!

Пѣснь Игорю.

Д. — гетьманщиною называлась Украйна отъ своихъ вождей, кои именовались гетьманами, по примѣру вождей Литовскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедиманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла, Carolus; Цесарь* отъ великаго *Цезаря; Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время отлучки Гетьмана изъ Резиденціи поставлялся въ Украйнѣ наказный гетьманъ; а въ отсутствіе съ поля битвы, власть его принималъ гетьманъ напольный.

Е. — московщиною называлась Великая Россія, Московія; шведчиною Швеція; волощиною Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ туретчина, татарщина; бѣлгородщиною называлась Татарская сторона между Днѣпромъ и Днѣстромъ; полѣсьемъ — Бѣлостокская область; подольемъ — Подолія; покутьемъ — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія относится къ 1596 году, когда Гетьманъ *Павелъ Наливайко* разбилъ Жолкевскаго при Чигринѣ. По Лѣтописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневомъ козацкіе старшины: *Богунъ*, *Сутичъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сомино*), и *Войновичъ;* а Наливайко выставилъ такую надпись: *Миръ Христіянству, а на зачинщика Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашой у славной Украйнѣ
Бували коли-сь (46) преспрашныи злыгодній, бездольній годины;
Бували й моры й войскови чвары; (47)
Ніхто Вкраинцевъ не ряповавъ; (48)
Ніхто за іхъ Богови молитвъ не посылавъ;
Тольки Святый Богъ нашихъ не забувавъ,
На великій зусилья, на водновѣдья державъ.
Тольки Богъ святый знавъ, що вонъ думавъ,
гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украйньску землю посылавъ.
Опъ-же й пройшли, изійшли злыи незгодины:
Немае нікого, що-бъ насъ подолѣли!
Тольки Богъ Святый знавъ
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвара — гроза. (48) Ряповати, ратовати — избавлять, спасать.

Не де́нь и не два́ Ляхи́ Украйну плíндрова́ли,
Ни на часи́ночку одпочи́нья не ма́ли,
Ко́ней на-взáводахъ день и нôчь держа́ли,
До Ге́тьмана Наливáйка доро́гу верста́ли.
А Гетьма́нъ хоро́брый Наливáйко — що́ вôнъ ду́мае гада́е?
Що́ вôнъ за до́лю това́ришôвъ своíхъ замышля́е?
Тôльки Богъ Святый зна́е, що ёму́ на по́мôчь помага́е!...
Изъ-за горы́ хма́ра выступа́е — выступа́е, выхожа́е,
До Чигрина́ гро́момъ вигрêмля́е,
На Украíнську зе́млю блúскавкою блиска́е.
То Полякú черезъ три рѣкú при перехо́ды ма́ли,
Да й бúля́ трéщёго перехо́ду ста́номъ спа́ли;
Пустúли ко́ней на попаса́нье,
Самú собѣ́ далú на три годúны одпочива́нье. —
А що́ Ге́тьманъ Наливáйко ду́мае, гада́е?
Що вôнъ на незго́ду Ляхôвъ замышля́е?
Тôльки Бо́гъ тée зна́е, що ёму́ на по́мôчь помага́е! —
То не хма́ры по не́бу гро́момъ святы́мъ выгрêмляють,
То не святы́хъ воны́ до Бо́га прова́жаютъ:
То Ляхú у бу́бны вдаря́ютъ,
У свистѣ́лки да у тру́бы выграва́ютъ,
Усé вôйсько своé до-ку́пы у грома́ду скликáютъ,
Що-бъ ишлú усѣ́ до грома́ды на послуха́нье,
Слу́хати Ге́тьмана Жовко́вського одповѣда́нье.
Отъ-то й прíйшлú усѣ́, ря́домъ спа́ли,
Усѣ́ ря́домъ спа́ли, да й замовча́ли,
Гетьма́нське отповѣданье слуха́ти зача́ли;
А послу́хавши, ко́ней сѣдла́ли,

Чере́зъ Бѣ́лу-рѣ́чку перехо́дъ вели́кій ма́ли:
Мосты́ мости́ли, гре́блî гати́ли, кôлья забива́ли,
Горзи́ну да дряни́цю кла́ли,
Черезъ Бѣ́лу-рѣ́чку перехо́дъ вели́кій ма́ли;
А, перейшо́вши, огоро́ды да шанцî роби́ли,
У-въ окрѣ́пъ гарма́ты (50) станови́ли,
А по-пере́дъ гарма́тами три хресты́ вколоти́ли.
А що пе́рвый хре́стъ, то Со́мино виси́ть —
Со́мино виси́ть, ба́рзо голоси́ть;
А що дру́гій хре́стъ, Богу́нъ виси́ть —
Богу́нъ ви́си́ть, шаблю́кою лопоти́ть;
А що тре́тîй хре́стъ, то поро́жнîй стои́ть,
Усѣ́хъ и́ншихъ козакôвъ до се́бе пôджида́е, —
Козакôвъ пôджида́е, козакôвъ огляда́е:
Хто пе́рвый пôдôйде, того́ гарма́та убье́;
Хто дру́гій добѣжи́ть, того́ самопа́лъ (51) цапне́;
Хто тре́тîй пôдлети́ть, той хрести́ться бу́де, —
Хрести́ться бу́де, й моли́ться ста́не;
Що хре́стъ зъ осоки́ — то ёго́ надба́не! . . .
А козаки́ глядѣ́ли, у вôчî вбача́ли,
Про-мêжъ се́бе буркова́ли, рахова́ли,
Три корогвы́ на забаче́нье Ляха́мъ станови́ли,
На корогва́хъ уговóръ ря́дну писа́ли:
„Вѣ́рному правосла́вному Христія́нсьтву ми́ромъ ми́ръ;
А Ляха́мъ-ворога́мъ пеке́льный пиръ.
Въ ко́го хре́стъ — на то́го й Хре́стъ!“ —
Отъ-се́-жъ и пôйшли́ на́ши на чоты́рî по́ля
Що на чоты́ри по́ля, а на пя́тее на Подо́лье;

(50) Гарма́та — пушка. (51) Самопа́лъ — ружье.

Ляхôвъ на всѣ сто́роны, по всѣ́мъ хреста́мъ колоти́ли;
Ляхи́ опроще́нья проси́ли, да не допроси́лись:
Не такôвськи козаки́, що-бъ опроще́нье дали́,
Не такôвськи й Ляхи́, що-бъ напа́сть забули!

Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла.
Що́ вона кува́ла, про-мêжъ святы́хъ чува́ла;
Що́ вона́ кува́ла, тому й бу́ти-ста́ти, —
Якъ ста́нуть бѣсы́ пра́выхъ й непра́выхъ êдна́ти,
Ду́ши забîра́ти, у пе́кло до-ку́пы склада́ти.
Вôдъ то́го й сёго́, одъ ино́го чого́ Бо́же намъ помо́же.
Про те́ вôнъ и зна́е, що вôнъ ду́мае, гада́е,
Що Павло́вî Налива́йковî да на по́мôчь помага́е.
Не на́мъ про те́е, за те́е рахова́ти:
На́ше дѣ́ло Боговî моли́ться,
Спаси́телю хрести́ться!

ПЕРЕВОДЪ.

Какъ въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшные злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитвъ не возсылалъ; а только Святый Богъ нашихъ не забывалъ, для великихъ усилій, для отвѣта (врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святый зналъ, что Онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодья на Украинскую землю посылалъ!

Вотъ и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ никого ктобъ одолѣлъ насъ! только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли отдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гетьману Наливайку дорогу держали.

А Гетьманъ храбрый Наливайко — что́ онъ думаетъ, гадаетъ? что́ онъ на долю товарищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы туча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки́, черезъ прирѣки́ шли три перехода; а возлѣ третьяго перехода стали станомъ, пустили коней на паству, а себѣ дали отдыха на три часа.

А что́ Гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? — что́ онъ на невзгодье Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Святый то знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не Святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свисткахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ или въ громаду на послу́шанье, слушать отповѣдь Гетьмана Жолкевскаго. — Вотъ и пришли; всѣ рядомъ стали, — рядомъ стали и замолчали. Гетьманскую отповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую-рѣчьку большой переходъ держали: мосты мостили, гати гати́ли, вбивали колья, клали хворостъ и дрань, — черезъ Бѣлую-рѣчьку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, ставили пушки въ окрѣпѣ, а передъ пушками три креста вколотили. А что первой крестъ — то *Со́мино* виситъ, — Со́мино виситъ, громко голоси́тъ. А что другой крестъ, то *Богунъ* виситъ — Богунъ виситъ, саблею спучитъ.

А что третій крестъ, то порожній стоитъ, — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ, козаковъ поджидаетъ, козаковъ оглядаетъ. Кто первый подойдетъ, того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ хватитъ; а кто третій подлетитъ, тотъ крестится будетъ, крестится будетъ молиться станетъ: крестъ изъ осоки — его участь!.. А козаки глядѣли, своими очами видѣли, про-между себя переговаривались, судили; — при хоругви на видъ Ляхамъ становили, на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали: *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ, а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ. У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Вотъ и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое на Подолье; — Ляховъ на всѣ стороны окрестъ себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковскіе козаки, чтобъ прощенье дали! не таковскіе и Ляхи, чтобъ напасть забыли.

Будетъ и нашимъ бѣда, какъ кукушка куковала. Что она куковала, то она промежь Святыхъ слыхала! что она куковала, тому и быть-стать: какъ станутъ бѣсы правыхъ и неправыхъ единить, сбирать души и въ аду въ кучу валить. Онъ того и сего, и другаго чего — да спасетъ насъ Богъ! Про то Онъ и знаетъ, что Онъ думаетъ, гадаетъ, что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ! Не намъ о томъ и про то судить. Наше дѣло Богу молиться, къ Спасителю креститься!

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ сдѣланы по списку, полученному мною отъ Г. Срезневскаго.

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представленъ идущимъ чрезъ поле битвы, усѣянное трупами, я не знаю по Исторіи. — Подъ именемъ *Степана Кукурузы* здѣсь разумѣется, я думаю, *Степанъ Остраница*, который послѣ побѣды своей захваченъ ночью въ Каневскомъ монастырѣ и въ Варшавѣ колесованъ. *Карпо́ По́вгора-Кожуха*, бывшій послѣ Остраницы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный свосю дружиною въ горѣлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой по́шли́ козаки́ на чоты́ри́ по́ля,
Що на чоты́ри́ по́ля, а на пя́те на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ — по́шо́въ Самко́ Мушке́пъ,
А за Па́номъ Хору́нжимъ мало-ма́ло не три́ ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьци́.
На ко́никахъ выграва́ютъ, шабелька́ми блиска́ютъ,
у бу́бны вдаря́ютъ,
Бо́гови́ моли́твы посыла́ютъ, хресты́ поклада́ютъ.

А Самко́ Мушке́пъ — по вонъ на коню́ да й не
выграва́е,
Коня́ удержу́е, до се́бе припягу́е, ду́мае, гада́е.
Да що́-бъ сто чорто́въ ли́хомъ вби́ли ту ёго́ ду́му,
що гада́нье! —
Самко́ Мушке́пъ ду́мае, гада́е, слова́ми промовля́е:
— „А що́, якъ на́ше коза́чество, мовъ у пе́кли́, Ляхи́
спа́ляпь,
Да зъ на́шихъ коза́цькихъ косте́й пиръ собѣ на
похме́лья зва́рять! . . .
А що́, якъ на́ши го́ловы коза́цьки по степу́-по́лю
поля́жуть,
Да ще́ й ро́дною кро́вью вмы́ються,
Попереросколо́пыми шабля́ми покры́ються! . . .
Пропаде́, мовъ порохи́на зъ ду́ла, та́я коза́цькая
сла́ва,
Що по всёму́ свѣ́ту ды́бомъ ста́ла,
Що по всёму́ свѣ́ту сте́помъ розляглась, про-
стяглась,
Да по всёму́ свѣ́ту луго́вымъ го́мо́номъ роздала́сь,
Туре́ччинѣ да Тата́рщинѣ до́брымъ ли́хомъ зна́пи
дала́сь,
Да й Ляха́мъ-ворога́мъ на спи́сь оддала́сь!“ . . .

Закря́че во́ронъ сте́помъ лету́чи,
Запла́че зозу́ля лу́гомъ скачу́чи,
Заку́ркують кре́четы си́зи́,
Загада́ються о́рлики хи́жи́ —
Да все́, усе́ по свои́хъ брата́хъ,
По бу́йныхъ това́ришахъ козака́хъ! . . .
Чи то́ ихъ зга́рбомъ занесло́?
Чи то́ ихъ у пе́клѣ попону́ло?

Що невúдко чубáпыхъ, не тó по спепáхъ, не тó
й по лугáхъ,
Не тó й по Татáрськихъ земляхъ, не тó й по
Турéцькихъ горáхъ,
Не тó й по Чóрныхъ моряхъ, не тó й по Лáцькихъ
нóляхъ? . . .
Закря́че вóронъ, загу́е, зашуму́е,
Да й полети́ть у чужу́ю зе́млю. . . .
Анъ-бá! кóстки́ лежáть, шаблю́ки сторчáть;
Кóстки́ хрустя́ть, шаблю́ки попереросколонѝ
бряжчя́ть! . . .
А чóрна, сúва сорóка зоскáлилась да й басу́е!
А що гóловы козáцькѝ — що мовъ Швéць-Семéнъ (52)
шку́ру загубúвъ (53),
А що чубы́ — мовъ чортя́ка джгупы́ поробúвъ: —
У крóвѝ усѐ, да й позасыхáли —
Оп-тó й слáвы набрáли! . . .

Ой пóшлѝ козакú на чотырѝ шляхú,
Да на чотырѝ шляхú, а на пя́те на Подóлье.
Що однúмъ пóлемъ — то пóшовъ Самкó Мушкéтъ,
А дрýгимъ пóлемъ — Спецькó Кукурýза:
Сúзою голýбкою гóлову свою бýйную до-дóлу (54)
закúнувъ!

(52) Въ Украйнѣ былъ какой-то знаменитый *Семенъ Швецъ* (сапожникъ), вошедшій въ поговорку. Говорится, на пр. онъ его смялъ, *мовъ Швецъ-Семенъ шкуру*. (53) — Потерялъ. (54) До-дóлу — внизъ, на-полъ.

А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцѝ,
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́говѝ моли́твы посыла́ють, хресты́ поклада́ють,
До Стецька́ Кукуру́зы ось-та́къ (55) промовля́ють:
— Чи ты жи́въ, чи здоро́въ, па́не Степа́не?
Чи ты вме́ръ, що твою́ голо́воньку ду́бомъ до-до́лу
приши́бло?
Рахова́нье (56) — не въ помина́нье!
Коли́-жъ не́будь тре́ба (57) да по на́съ поми́нки
роби́ти!
Що по на́съ, Па́не, старѝ ба́бы ста́нуть у по́лѣ
свистѣ́ти,
А по тобѣ́, Пане, молоды́и дѣвча́та зачну́ть го-
лоси́ти!
— „Да те все́ одна́ко,
Що Яки́мъ, що Якôвъ!
Ось, якъ приста́немо до пя́того я́ра,
То хочъ и сере́дъ лѣ́течка — зашуми́ть, загуде́
не-дай-свѣта-чва́ра!
Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла,
Сте́помъ летю́чи, лу́гомъ скачу́чи.
Що вона́ кува́ла, то пра́вду каза́ла;
Налêтя́ть орлы́ хи́жѝ, ста́нуть жалкова́ти;
А во́роны налêтя́ть, да й ста́нуть здобы́чи жда́-
ти й пôджида́ти.

(55) Ось — вотъ; - сь — частица то. (56) Рахова́ти — считать, разсуждать. Рахова́нье — размышленье. Раху́нокъ — разсчетъ. (57) Тре́ба — надо, потребно.

То я́къ налêтя́ть отъ-тѣ́ зозу́лî,
Що насъ не забу́ли! . . .
Що жîдъ, а що дѣ́дъ, а що й Запоро́зській коза́къ! —

═══

— Ой пôшли́ козаки́ на чоты́рî шляхи́,
Що на чотырî шляхи́, а на пя́те на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ, то пôшо́въ Самко́ Мушке́тъ;
А други́мъ по́лемъ, то пôшо́въ Стецько́ Кукуру́за;
А тре́тîмъ по́лемъ, то пôшо́въ Карпо́ Пôвтора́-Кожу́ха —
На ко́нику выграва́е, пѣ́сню спѣ́вае.
А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцî:
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́говî моли́тву посыла́ють, кресты́ покладають.
А Карпо́ Панъ Ге́тьманъ на ко́нику выграва́е,
пѣ́сьню спѣва́е:

— „Пресу́чая та журба́,
Мене́ изсуши́ла,
Вона́ мене́ молодо́го
Изъ нôгъ извали́ла.

А я́ тôй журбѣ́
Да й не пôддаю́ся.
Ой пôйду́ я до шинка́рки,
Горѣ́лки напью́ся. . . .

Ой хто хóче мéду пúпи —
Ходéмъ до жидóвки!
А въ жидóвки чóрнi брóвки,
Высóки пôдкôвки...

И юпочка рябéнька,
Й самá молодéнька;
Да якáя-жъ хорóшая,
Якá чепурнéнька!

Шинкарóчко моя!
Насыпь мéду й винá,
Да щó-бъ моя голóвонька
Веселéнька булá!

— Колú ты женáтый,
То идú до-дóму;
А áкъ нежонатый,
То ночýй зо мнóю. —

Ой é въ мéне й жôнка
И дéточокъ двóе:
Да не пригорпáюпься,
Сéрденько мóе!“

ПЕРЕВОДЪ.

Вотъ пошли козаки на четыре поля, — что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самкó Мушкéтъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы — на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко́ Мушкетъ — онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ пришпориваетъ, — думаетъ гадаетъ... Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ гадаетъ, говоритъ словами:

„А что́ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сваритъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, — что по всему свѣту степью розлеглась, протянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась? . . .

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Заку́ркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ шоварищахъ коза́кахъ! . . . .

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячетъ воронъ, загру́етъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семенъ шкуру потерялъ!

А чубы́ — словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли: то́-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко́ Мушкетъ, а другимъ полемъ *Степанъ Кукуруза;* какъ сизая голубка, свою буйную голову повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ поминки творишь. Какъ по насъ, Пане! старыя бабы станутъ въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодыя дѣвицы зачнутъ голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта — зашумитъ, загудетъ не-приведи-Богъ-буря. . . Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, станутъ горевать; а во́роны налетятъ, станутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли... Что̀ жидъ, а что̀ дѣдъ, а что̀ и Запорожскій козакъ. . . .

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—

то пошелъ Самко́ Мушкетъ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Полтора́-Кожуха: на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Карпо Панъ Гетьманъ (?) на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню:

Разсукина та тоска меня изсушила,
Она меня молодаго, она съ ногъ свалила.

А я той ужь тоскѣ да не поддаю́ся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горѣлки напьюся.

Ой кто хочетъ меду пить, пойдемъ до жидовки —
У жидовки чёрны бровки, высоки́ подковки,

Юпочка пестре́нька, сама молоденька —
Ужь и что́ за пригожа́я, то́-то удалая!

Шинкарочка моя! лей мнѣ меду, вина,
Да чтобъ моя головушка веселе́нька была!

„Коли ты женатый, то иди до дому;
Колижъ не женатый, то ночуй со мною!“

— Есть у меня жонка и дѣпочекъ двое —
Да не приголубятся, серденько мило́е!

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира*?).

Въ семъ году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете: кто-же вамъ за себя стать воспрещаетъ?“ Барабашъ скрылъ эту граматту; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Произшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительства сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостою былъ тогда *Кричевскій* (убитый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же старостою былъ Александръ Конецпольскій.

Въ стихѣ: *Ку́момъ ёго́ до се́бе прохва́въ* — я выпустилъ слова: *до го́рода Чигрина́*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до го́рода Черка́са*, въ другомъ стихѣ (*Чу́ру свого́ посыла́въ*); а въ стихѣ: *днёмъ и но́чью изъ Чигрина́ поспѣша́въ* — было въ спискѣ *до Чигрина́*.

Изъ день-годи́ны (58),
Якъ ста́ла трево́га на Украи́нѣ.
То ни̂хто́ не мо́же обôбра́ти (59)
За вѣ́ру Христія́нську односта́йне (60) ста́ти;
Тôлько обôбра́лись Бараба́шъ, да Хмельни́цкій,
да Кли́мъ Бѣлоцерко́вській;
До Короля́ выступа́ли, ли́стôвъ, Наверса́лôвъ (61)
проха́ли,
То Коро́ль Наверса́лы писа́въ,
Самому́ Барабашу́ до ру́къ подава́въ;
А Бараба́шъ ли́сты якъ взя́въ,
Три́ го́ды козака́мъ зна́ти не дава́въ.
То Хмельни́цкій те́е догада́въ,
Ку́момъ ёго́ до се́бе проха́въ, до́бре угоща́въ.
А якъ ста́въ Бараба́шъ на пôдпи́тку (62) гуля́ти,
Ста́въ ёму́ Хмельни́цкій каза́ти:
„Го́дѣ (63) тобѣ́, Па́не ку́ме, ли́сты Короле́вськи̂
держа́ти,
Дай менѣ́ хочъ прочита́ти!“
— „На́ що тобѣ́, Па́не ку́ме, и̂хъ зна́ти,
Мы да́чи̂ не дае́мъ,
Въ вôйсько По́льске не йде́мъ;
Не лу́ччебъ на́мъ зъ Ляха́ми,
Мосци̂выми (64) пана́ми,
Ми́рно пробува́ти;
А не̂жъ пôйти́ лугôвъ потира́ти, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обôбра́тися — вызваться. (60) Односта́йне — въ одну стаю, единодушно. (61) Ниверса́лъ — Универсалъ. (62) На-пôдпи́тку — на́-веселѣ. (63) Го́дѣ, бу́де — довольно, полно, будетъ! (64) Мосци̂вый — знатный, вельможный. (65) Нежели пойти луга тереть.

Своймъ тѣломъ комаровъ годовати (66)?“
То Хмельницькій тее зачуваъ,
Ще луччихъ напитковъ подаваъ.
То Барабашъ якъ упився,
На лѣжку (67) спати звалився.
Тогди Хмельницькій ключи одбираъ,
Чуру свого до города Чигрина посылаъ,
Велѣвъ ключи Панѣ Барабашовой подати,
Листовъ Королевськихъ питати.
То чура до неи прибуваe,
Словами промовляe:
„Панѣ Барабашова! твой Панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы Королевськѣ подати.
„Де-сь (68) моему Пановѣ лихомъ занудилось,
Що зъ Хмельницкимъ гуляти схотѣлось!
Пойди въ глухомъ концѣ подъ воротьми
Листы Королевськѣ въ шкатулѣ возьми!“ —
То чура скоро листы достаъ,
День и ночъ изъ Чигрина поспѣшаъ;
Скоро прибуваъ, самому Хмельницькому листы подаъ.
Тогди Барабашъ рано прочинаe (69),
У карманы поглядаe — ажъ ключовъ немаe.
Вонъ спаросту Кричевського пробужаe,

(66) Годую, годовати — кормить. (67) Лѣжко — кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-то), знать, вѣрно. — Лихомъ занудилось — бѣдою затосковалось. (69) Прочинати — просыпаться, очинаться.

Двома́ ко́ньми ти́хо зъ двора́ выѣзжа́е,
Ду́мае, гада́е,
Якъ Па́на Хмельни́цького до ру́къ прибра́ти,
Ляха́мъ отда́ти.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ той поры-времени, какъ началась тревога на Украинѣ, никого не вызовется, чтобы дружно стать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили грамать *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ граматы, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и сталъ угощать. А какъ разгулялся Барабашъ на́-веселѣ, сталъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія граматы держать, — дай мнѣ хоть прочитать!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? по́дати мы не даемъ, въ войско Польское не йдемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напитковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи Паньи Барабашевой и просить Королевскихъ грамать.

Пріѣхалъ къ ней чýра и говоритъ словамы: „Панья Барабашева! твой Панъ остался у насъ гулять, а тебѣ велѣлъ достать Королевскія граматы.“

— Видно моему Пану больно вспосковалось, что съ Хмельницкимъ гулять пожелалось! Подп, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возьми въ шкатулкѣ Королевскія граматы.

Чура тотчасъ досталъ граматы; день и ночь сѣчнилъ изъ Чигрина; скоро пріѣхалъ и подалъ граматы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманы, а ключей нѣтъ.

Будитъ онъ старосту Кричевскаго; тихо они на двухъ коняхъ выѣзжаютъ съ нимъ со двора; думаютъ, гадаютъ: какъ-бы прибрать къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдать Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Относится къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ ни́зу Днѣпра́ ти́хій вѣ́теръ вѣ́е, повѣва́е;
Во́йсько коза́цьке въ похо́дъ выступа́е:
Тóлько Бóгъ Святы́й зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е!
Объ тóмъ не зна́ли ни Со́тники,
Ни Опа́маны Курѣ́нныи, ни Полко́вники:

Тòльки Бóгъ Свя́тый зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е! . . .
Якъ до Дн̀спра́ прибува́ли;
Чере́зъ три́ перево́зы перепра́ву ма́ли;
Самъ Хмельни́цькій напере́дъ-всѣхъ руша́въ,
До Хо́тіи (70) прибува́въ, у ста́ршого Копыта́на
на кварты́рѣ спа́въ,
До Васи́ля Молда́вського ли́сты посыла́въ, слова́ми промовля́въ:
„Що́ ты зо мно́ю бу́дешъ гада́ти —
Чи бу́дешъ би́ться,
Чи бу́дешъ мири́ться;
Чи на прими́рье бу́дешъ прійма́ти,
Чи сла́вной Воло́щины полови́ну оддава́ти?“ —
То Васи́лій Молда́вській те́е зачува́въ,
До Попо́цького ли́сты посыла́въ, слова́ми промовля́въ:
— Ге́тьмане Попо́цькій,
Що въ те́бе ро́зумъ жо̀но́цькій!
Ты за дороги́ми напи́тками, бенке́тами ута-
ня́ешъ (71) —
Чо̀мъ ты Хмельни́цького не една́ешъ? (72)
Вже почáвъ во̀нъ зе́млю ко̀ньскими копыта́ми
ора́ти,
Кро́вью Молда́вською поliва́ти! —
Тогдѝ Ляхи́ изъ го́рода изъ Соча́вы (73) упѐка́ли,
Василю́ Молда́вському зна́ти дава́ли,

(70) Хо́тія — гор. Хотинъ. (71) За бенке́тами ута-
ня́ешъ — за пирами гоняешься. (72) Една́ти — скло-
нять (на свою сторону), единить. (73) Въ Буковинѣ.

То Васи́лій Молда́вський до Яссъ прибува́е,
Слова́ми промовля́е:
— Ой вы Яссы мои́, Яссы!
Були́ есте́ ба́рзо (74) кра́сны,
Да вже́ не бу́дете таки́,
Якъ прі́йдутъ козаки́! —

То па́нъ Хмельни́цький до́бре учини́въ: По́льщу засмуши́въ,
Воло́щину побѣди́въ, Гетьма́нщину звеселі́въ.

Въ той ча́съ була́ честь, сла́ва,
Во́йсько́вая спра́ва!
Сама́ себе́ на смѣхъ не дава́ла,
Непрія́теля по́дъ но́ги топта́ла.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ низовья Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, — козацкое войско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Святый знаетъ что̀, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! — Не знали о томъ ни Сотники, ни Куренные Атаманы, ни Полковники. . . только Богъ Святый знаетъ что̀, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подъѣхали къ Днѣстру, переправлялися черезъ три перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ вступилъ онъ въ Хотинъ, остановился въ домѣ у старшаго Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому, и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Ба́рзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по Малоросійски — ду́же.

будешь биться или будешь мириться? или примешь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волóщины?“

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Потоцкому и говорилъ словами: »Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами! что ты пойдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливать Молдавскою кровью!«

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, пріѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: »Яссы вы мои, Яссы! очень вы были крáсны! а ужъ не быть вамъ такими, какъ придутъ козаки!«

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетьманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топтала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг. 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гетьмана; онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см. *Бант. Кам.* ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю* Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Ивана Виговскаго;* а по словамъ Думы сей — Полковниковъ: Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или Лѣщицкаго), Кропивенскаго *Филона Чичая* (т. е. *Джед-*

жѣя или *Дженжелѣя*) и Кіевскаго *Волочая* (или *Адамовича*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захотѣли избрать 16-лѣтняго Гетьманича безталаннаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій отлучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, потомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣннически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговській Москву.* — Обманы его вполнѣ открылись дѣйствительно чрезъ полгода, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

Зажури́лася Хмельни́цького сѣда́я голова́,
Що при ёму́ ни Со́тникѝвъ, ни Полко́вникѝвъ нема́:
Ча́съ прихо́дить умі́ра́ти,
Не́кому пора́ды (75) да́ти.
Покли́кне во̀нъ на Ива́на Луговського́го
Пи́саря Во̀йскового́:
„Ива́нъ Луго́вскій,
Пи́сарь Во̀йско́вый!
Скоре́йше бѣжи́,
Да ли́сты (76) пиши́,
Щобъ Со́тники, Полко́вники до мо́не прибува́ли,
Хочъ ма́ло пора́ду дава́ли!“ —

(75) Пора́да — совѣтъ. (76) Ли́сты — письма, граматы.

То Ива́нъ Луго́вськiй
Пи́сарь Во̂йско́вый,
Ли́сты писа́въ,
До всѣхъ розсыла́въ.
То Со́тники, Полко́вники, якъ їхъ прочита́ли,
Усе́ покида́ли, до Ге́тьмана Хмельни́цького скорѣйшь прибува́ли.
То Ге́тьманъ до́бре їхъ прийма́е,
Слова́ми промовля́е:
„Пано́ве молодцî! до́бре вы дба́йте,
Собѣ Ге́тьмана наставля́йте;
Бо я ста́ръ, болѣю,
Бо̂льше Ге́тьманомъ не здолѣю! . . .
Коли́ хо́чете, Пано́ве, Анпо́на Волочая́ Кiе́вського,
Або́ Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського;
Або́ Фило́на Чичая́ Кропивья́нського;
Або́ Марты́на Пушкаря́ Полта́вського.“
То козаки́ тее́ зачува́ли, смутно себе́ ма́ли,
Тя́жко вздыха́ли, слова́ми промовля́ли:
— Не тре́ба намъ Анпо́на Волочая́ Кiе́вського,
Ни Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського,
Ни Фило́на Чичая́ Кропивья́нського,
Ни Марты́на Пушкаря́ Полтавського;
А хо́чемъ мы сы́на пивого́ Юру́ся молодо́го,
Козака́ лестрового́!
— „Во̂нъ, Пано́ве молодцî! молоды́й ро́зумъ ма́е,
Звыча́ѣвъ коза́цькихъ не зна́е!“
Бу́демъ мы спарыхъ люде́й би́ля (77) его́ держа́ли,

(77) Би́ля́ — подлѣ, возлѣ.

Бу́дуть воны́ его́ научáти, бу́демъ его́ до́бре поважáти,
Тебе́ бáтька нáшого, Гéтьмана споминáти! . . .
То Хмельни́цкій тéе зачувáвъ, велúкую рáдо́сть собѣ́ мáвъ,
Сѣдо́ю голово́ю покло́нъ отдавáвъ, слёзы проливáвъ.
Ско́ро по́слѧ то́го ще й го́рше Хмельни́цкій знемогáвъ,
Опрощéнье зо всѣ́ми пріймáвъ,
Милосéрдому Бо́гу ду́шу оддáвъ. —
То не чо́рни́ хмáры я́сне со́нце заступáли,
Не бу́йныи вѣ́тры въ тéмно́мъ лу́зѣ бушувáли,
Козаки́ Хмельни́цького ховáли,
Бáтька свого́ оплакáли . . .
А молоды́й Юру́сь по́дъ Бѣ́лою-Цéрквою гуля́е,
Объ смéрти́ отцéвсько́й не зна́е,
Ско́ро лейтáры до его́ прибувáли,
Ли́сты подавáли.
То Хмельни́ченко ли́сты якъ прочитáвъ,
Свѣ́та Бо́жого не взвидáвъ!

То не багáто Луго́вськiй гетьмановáвъ,
По́вторá го́да булáву держáвъ.
Ско́ро Со́тники, Полко́вники прибувáли,
Юру́ся Хмельни́ченка Гéтьманомъ поставлялi:
„Дáй-же Бо́же! козаки́ промовлялi:
За Гéтьмана молодо́го
Жити́ якъ за старо́го,
Хлѣ́ба, со́ли его́ вживáти, (78)

(78) Вживáти — употреблять (пищу или питья).

Города́ Туре́цькй плйндрова́ти (79),
Сла́вы, лы́царьства коза́цькому во́йську доспава́ти!

ПЕРЕВОДЪ.

Запечалилась Хмельницкаго сѣдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сотниковъ, ни Полковниковъ; приходитъ смертный часъ, а совѣта дать нѣкому! — Говоритъ онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши граматы, чтобы ѣхали ко мнѣ Сотники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣповали!“ — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь граматы писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сотники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я старъ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хотите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Костыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смутились они, тяжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Мартына Пушкаря Полтавскаго: а хотимъ мы твоего сына, молодаго Юрья, козака реестроваго.“

(79) Плйндрова́ти (съ Нѣм. *plündren*) — грабить, разорять.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держать при немъ старыхъ людей. Будутъ они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминать тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ сѣдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гулялъ подъ Бѣлою-Церковью, не знаетъ о смерти отцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣта Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманствовалъ: держалъ булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, ставили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ жить какъ при отцомъ! видѣть его хлѣбъ-соль, разорять Турецкіе города, доставать казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доста! ту пиръ докончаша храбрыи Русици, сваты попоиша, и сами полегоша за землю Руськую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давшій козакамъ устройство, раздѣлилъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекомонныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (*лестровыи*) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — ОХОЧЕКОМАННЫЕ козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* (*) стали отходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Боплана.

И. — КОМПАНѢЙЦАМИ назывались пять полковъ, изъ охочекомонныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьѣ. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

К. — СЕРДЮКАМИ назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его пѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

(*) Посполитыми назывался простой народъ (*рѣчь*): тѣ изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не-грунтовые), назывались *сусѣдями* и *подсусѣдями*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНѢ КОНОВЧЕНКѢ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разбили ихъ подъ *Тягиномъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гетьмана *Куницкаго* (поставленнаго Собѣскимъ) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. Лѣтоп. Рубана). Корсунскій Полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близь *Корсуня*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долина* не тоже-ли что и Черная долина? Городъ *Тягинъ* нынѣ селеніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингусцомъ и городомъ Берславлемъ (Кизикерманомъ,). Рѣчка *Тягинка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ Божіимъ* по тому повѣрью, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На сла́вно́й Украи́нѣ,
Усла́вно́мъ го́родѣ у Корсу́нѣ
Кли́кне, покли́кне Хвилоне́нко, Корсу́нський Полко́вникъ:
„Го́дѣ вамъ, пано́ве молодцѝ! домова́ти,
„Иде́ть зо мно́ю на Черке́но-доли́ну гуля́ти,
„Сла́вы лыца́рьства коза́цькому во́йську доспава́ти!“

От-погдѝ по городáмъ не музы́ки выгравáли,
Осаýлы вôйськовыи похожáли,
Лúсны читáли, козакôвъ въ похóдъ выкликáли:
А хто бýде пан-отцёвого — промовлáли —
Недѣлешнёго обѣда дожидáли,
Той бýде Хвилонéнка,
Корсýнського Полкóвника,
Въ шестú мúляхъ доганяли! —

У гóродѣ у Черкáсѣ жилá вдовá старéнька,
Мáла собѣ (80) сы́на Ивáна вдовичéнка Коновчéнка.
Вонá пéе пéрше (81) ёгó зачувáла,
До госпóды (82) нáйскорѣише прибувáла,
Усѣ кóнѝ изъ госпóды позсылáла,
Все орýжье у кôмнáту замыкáла,
Къ дóму Бóжому до цéркви поспѣшáла.
То Ивáсь одъ снá прочинáе по хáтѣ поглядáе (83) —
Ажъ ни однóи шáблѝ булáтнои,
Пищáлѝ семипъядноп
На стѣнѣ немáе!
У стáпю (84) ухожáе, а на стáнѣ ни однóго коня вороного.
Вôнъ нéньку старéньку бúля цéркви доганяе, словáми промовляе:
„Не-дóбре ты, мáти, згадáла,
Що всѣ кóнѝ изъ госпóды позсылáла,
Все орýжье у кôмнáту замыкáла;
А лýччебъ ты, мáти, зробúла, (85)
До гóрода Крылóва одъѣздúла,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услыхала. (82) Госпóда — домъ. (83) Пробуждается. (84) Стáня — сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Сто зло́тыхъ жиду́ оланда́рю (86) дава́ла;
У наря́дѣ до́брого коня́ купова́ла,
Мене́ молодо́го въ похо́дъ знаряжа́ла! —
„Ма́ешъ ты чоты́рî волы́ чабаны́и (87),
Два ко́нî отцёвськî вороны́и,
Мо́жешъ до́бре у Черка́сѣ пожива́ти,
Козакôвъ на хлѣ́бъ, на сôль заклика́ти."
— Що́ менѣ́ съ то́го, що бу́ду я до́бре пожива́ти,
Бу́дуть мене́ козаки́ за хлѣ́бъ, за сôль поважа́ти!
Тôлько бу́дуть мене́, ма́ти,
На-пôдпи́тку, гречкосѣ́емъ, домонта́ремъ (88) величáти,
Коня́ мого́ приблу́дою называ́ти.
И вже́ менѣ́ не че́сть, не подо́ба (89) по рôлья́мъ (90) спотика́ти,
Жо́втыхъ чобôтъ каля́ти, (91)
Дорогі́и су́кнî пы́ломъ (92) набива́ти!
А хо́чется менѣ́, ма́ти,
Пôйти́ пôдъ го́родъ Таги́ню гуля́ти,
Сла́вы лыца́рсьтва достава́ти! . . —
То тée промовля́въ,
У не́ньки старе́нькои благослове́нья бра́въ,
Изъ до́му отцёвського поспѣша́въ,
На Черќню-доли́ну зъ козака́ми прибува́въ.

Не я́сенъ сокôлъ на доли́нѣ по та́буру гуля́е,
Не бѣ́лая ле́бедь спѣва́е:

(86) Оланда́рь — арендаторъ. (87) Чаба́ный — выхоженный. Чаба́нъ — пастухъ. (88) Домосѣдъ. (89) Приличіе. (90) Роля́ — борозда, пашня. (91) Пачкать. (92) Пылъ — Пыль.

Полко́вникъ Хвилоне́нко похожа́е,
Слова́ми промовля́е:
„Копо́рый-шо, пано́ве молодцѝ, коза́къ доро́дный (93),
Ще й ко́нь по́дъ ни́мъ возло́бный (94),
По́йде за мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
Сла́вы лыца́рьства коза́цькому во́йську доспава́ти?“
То Ива́сь Коновче́нко ше́е зачува́въ,
Напере́дъ всѣхъ благослове́нья прохава́въ (95).
„Ты дити́на, Ива́сю, молода́! полко́вникъ промовля́въ —
Ни на по́лѣ, ни на мо́рѣ не бу́ва́ло;
Сме́ртѝ бѝля́ се́бе не вида́ло,
Якъ звыча́ѝ коза́цькѝ по́зна́ешъ,
Лу́чче тогдѝ погуля́ешъ.“
— Не всѣ́ старѝ пти́цѝ высо́ко лѣта́ютъ,
Не всѣ́ старѝ щу́ки карасе́въ хапа́ютъ,
Трапля́ется (96), ба́тьку, що крячя́ (97) мале́е
Ло́вить ры́бку кра́сче нѣ́жъ старе́е. —
То Ива́сь ше́е промовля́въ,
Зъ Полко́вникомъ на доли́ну выѣзжа́въ,
Двана́дцать Тата́ръ пере́дъ ме́чъ прини́въ,
Шѣ́сть на арка́нъ звъяза́въ,
Хвилоне́нку госпи́ця подава́въ.
То Полко́вникъ бусурма́нѣвъ прини́ма́е,
Ива́ся Коновче́нка бѝля́ се́бе сажа́е, сла́ву его́ выхваля́е.
То Ива́сь вели́кую ра́дость ма́е, слова́ми промовля́е:
„Благослови́ менѣ́, ба́тьку, окови́тои (98) напи́ться,

(93) Способный (94) Удалый? (95) Проспль. (96) Случается. (97) Крячокъ, утка. (98) Окови́тая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣка́юсь съ бусурма́нами ще лу́чче побиться.“
— Не велю́ я тобѣ́, сы́ну, оковитои напива́ти,
Да итти́ съ бусурма́нами на доли́ну гуля́ти;
Коли́жъ вже ты хо́четъ еи напива́ти,
То велю́ въ моêмъ намêтѣ лягти́ (99) спочива́ти. —
„Сей менѣ́ хмêль не бу́де заважа́ти (100),
А бу́де мое́му се́рдцю смѣ́лости̂ додава́ти.“

То не ви́хорь по Черке́нѣ-доли́нѣ гуля́е,
Не си́зый оре́лъ ястребôвъ ганя́е,
Вдовиче́нко Коновче́нко на воронôмъ конѣ́ розъѣзжа́е,
Мече́мъ свои́мъ якъ бли́скавка ся́е,
Трёхъ Тата́ръ-янича́ръ зъ коне́й збива́е;
Тогди̂ ша́блю була́тну опуска́е,
Козака́мъ лыца́рсьтво свое́ выхваля́е,
Безпе́чне по доли́нѣ розъѣзжа́е,
Бусурма́нôвъ на смѣ́хъ пôдôйма́е.
То безбожни̂ бусурма́ны те́е зачува́ли,
Напило́го козака́ за́разъ пôзнава́ли,
Бôльше ёму́ по́ля гуля́ти попуска́ли,
Одъ та́бура коза́цького за́разъ отбива́ли,
Гнѣвомъ Бо́жіимъ, саранчо́ю, на козака́ налêта́ли,
Ша́блями, писто́лями сме́ртныи ра́ны дарова́ли,
Тôлько коня́ коза́цького не пôйма́ли. —
То до́брый кôнь до та́бура прибѣга́е,
По куреня́мъ гуля́е, го́стрыми копы́тами зе́млю копа́е,

(99) Ляга́ю, лягти́ — ложусь, лечь. (100) Тяготить. Ва́га — тяжесть.

Смýтно ржучи́, козака́ свого́ выклика́е.
То Хвилоне́нко тée зачува́въ,
Изъ намêта свого́ выступа́въ, слова́ми промовлявъ:
„От-сé вы, бра́тцî, недо́бре зроби́ли,
Що напило́го козака́ гуля́ти пусти́ли,
Мовъ вы сами́ его́ зъ свѣ́та згуби́ли.
До́бре вы дба́йте, ору́жье заправля́йте,
Бусурма́нôвъ одъ тѣ́ла коза́цького отбива́йте,
Бо вжé не-да́ромъ коза́цькій кôнь по та́буру гуля́е,
Ма́буть Ива́ся Коновче́нка на свѣ́тѣ нема́е.“ —
То козаки́ тée зачува́ли, на доли́ну найскорѣ́йше поспѣша́ли,
Бусурма́нôвъ одъ тѣ́ла коза́цького отбива́ли,
Ша́блями, надôлками (101) суходôлъ копа́ли,
Шапка́ми, припо́лами пéрсть выбîрали,
Ива́сю Коновче́нку моги́лу насыпа́ли,
Въ семипья́днî пища́лî грема́ли,
У суре́мки жалôбно выграва́ли,
Сла́ву коза́цьку выхваля́ли. —

Ско́ро пôсля́ то́го ста́ли козаки́ та́буръ изнîма́ти,
У городы́ христія́нськî уступа́ти.
То вдова́ старе́нька
Ма́ти Ива́ся Коновче́нка
Не у до́мѣ ся-ма́ла,
На база́рѣ соло́дкій мéдъ выставля́ла,
Сы́на свого́ Ива́ся Коновче́нка выгляда́ла.
Пéрва со́тня наступа́е,
Вдова́ сы́на не вида́е.

(101) Надôлокъ — заступъ?

Дру́га со́пня вступа́, самъ Хору́нжій попе́реду йде́,
Два козака́ коза́цького коня́ на повода́хъ веде́.
Вдова́ тёе забача́ла,
Жало́бныи слова́ промовля́ла,
Сла́вы, сме́ртй сы́на свого́ пита́ла,
Всѣхъ козако́въ на хлѣ́бъ, на со́ль закрика́ла,
По́хороны и весе́лья Ива́сю отбува́ла,
Полко́внику коза́цького коня́ дарова́ла,
Спаршймъ ша́блй, пища́лй Ива́ся раздава́ла.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́,
Якъ одъ вѣтру на спену́ права́!
Сла́ва не вмре́, не поляже,
Лыца́рськво коза́цьке всякому розка́же! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2 й части сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковскаго, въ собраніи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что́ видно и по самому ея складу. Произшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣй былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣя сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей осталась въ Малороссіи и пословица: 1) Добу́вся якъ Шведъ по́дъ По́лта́вою, 2) Не пи́въ Полта́вськои воды́ (не испыталъ горя).

Ой ты гада́ешъ, Мазе́по, ты гада́ешъ измѣня́ти,
Ой ты хо́чешъ, ты хо́чешъ Царя́ одступа́ти!
Ой ты гада́ешъ, Мазе́по, въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А самъ хо́чешъ да на столи́цѣ царе́мъ царствовати!

Ой що взмо́вить Ге́тьманъ Мазе́па къ Палѣю Семе́ну:
— Ой Палѣю, Палѣю Семе́не! чи не зра́дишъ (102) ты ме́не?

„Ой я́къ же я́ ма́ю, Ге́тьмане Мазе́по, тебе́ изража́ти,
„Коли́ ты бу́дешъ, Ге́тьмане Мазе́по, до́бре починя́ти.“
— Я ду́маю, Палѣю Семе́не! въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А са́мъ хо́чу да на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти! —

„Впереду́-же ты бу́дешъ, Ге́тьмане Мазе́по, у стовба́ стоя́ти (*),
А нѣ́жъ бу́дешъ на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти.“

Ой не зна́въ, не зна́въ прокля́тый Мазе́па якъ Палѣя́ зазва́ти;
Ой спа́въ же, спа́въ прокля́тый Мазе́па на бенке́тъ запроша́ти.

(102) Зража́ти — измѣнять (кому), предавать (кого). Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ столбу, было однимъ изъ позорнѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прі́ѣдь, прі́ѣдь, Палі́ю Семе́не!
Да на бенке́тъ до ме́не! —

Ой ско́ро Палі́енко Семе́нъ зъ свои́мъ во́йськомъ
прі́ѣзжа́е,
Ой шакъ ско́ро прокля́тый Мазе́па ча́шу ме́ду вы-
сыла́е.
Ой пье́ Палі́й, ой пье́ Семе́нъ да голо́воньку кло́нить,
А Мазе́пинъ чу́ра Палі́ю Семе́ну кайданы́ гото́вить.
Ой пье́ Палі́й, ой пье́ Семе́нъ, изъ но́гъ извали́вся,
Ба́рзо шому́ Гетьма́нъ Мазе́па стоя́ звеселі́вся.
Ой якъ кри́кне прокля́тый Мазе́па на свои́ гайду́ки:
— Ой во́зьме́ште Палі́я Семе́на да у тѣсныи ру́ки!—
Ой якъ кри́кне прокля́тый Мазе́па на свои́ лейта́ры:
— Ой во́зьме́ште Палі́я Семе́на заку́йте въ кайда́ны!
Ой якъ кри́кне прокля́тый Мазе́па на свою́ во́зни́цю:
— Ой во́зьме́ште Палі́я Семе́на да вки́ньте въ
темни́цю!
Не да́въ Гетьма́нъ Палі́ю Семе́ну ни пи́ти на ѣсти,
Доко́ль не вы́славъ прокля́тый Мазе́па на сто-
ли́цю ли́сты.
— Опто́-жъ тобѣ, промовля́е, Царю́! есть Палі́й
измѣ́нникъ!
Во́нъ тебе́ хо́че вже одступа́ти, въ пе́нь Москву́
руба́ти,
А самъ хо́че да на сполиці царе́мъ царствова́ти. —

Обозве́ться Палі́й Семе́нъ зъ те́мнои темни́цѣ:
„Бре́ше, бре́ше (203) прокля́тый Мазе́па въ Царя́ на
столи́цѣ!

(103) Бреха́ти — лгать, лаять, ла́яти — бранить.

Отже́-жъ тобѣ́, да пра́ведный Царю́! самъ Ге́тьма́нъ измѣ́нникъ,
Вôнъ тебе́ хо́че вже одступа́ти, въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А самъ хо́че да на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти."

Ой що взмо́влять мосци́выи паны́ до пра́ведна Царя́:
Выпуска́й ты, да пра́ведный Царю́, Палѣ́я зъ темни́цî,
А то бу́дуть бусурма́ны Шве́ды на твоêй столи́цѣ.

Да ще́ хмѣ́ль, да ще́ зелене́нькій на тычи́ну не зви́вся,
А вже́ Палѣ́й пôдъ Полта́вою изъ Шве́домъ поби́вся.
Да ще́ хмѣ́ль, да ще́ зелене́нькій голово́къ не зхили́въ,
А вже́ Палѣ́й пôдъ Полта́вою и Шведôвъ поби́въ.
Ой кли́кне, покли́кне да Коро́ль Шве́дській, на гарма́тѣ сто́я:
„Втêка́ймо скорѣ́йшь, Ге́тьмане Мазе́по, зъ Полта́вського по́ля!" —
Тогдî воны́ утêка́ли усѣ́ зъ-пôдъ Пôлта́вы. . .
Богда́й воны́ не дôжда́ли би́ться зъ козака́ми!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДУМА ОДИНАДЦАЯ.

ОТЪѢЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомо́нъ гомо́нъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная косй есть и между Литовскими пѣснями, и между Русскими (*Отецъ на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю ра́но-нора́но не у всѣ́ дзво́ны (104) дзвони́ли,
Якъ у вдо́вино́мъ дому́ гомонѣ́ли.
Лихі́й во́пчимъ коза́ченька молодо́го ла́е,
Ма́тни сы́ну слѣ́зно промовля́е:
Иди́ ты, сы́ну, мѣ́жъ чужі́и лю́де,
Чи не лу́чше любѣ́ на чужи́нѣ́ бу́де?
Неха́й (104') тебѣ́ чужі́й ба́тько, сы́ночку, не ла́е,
Счастя твого́ коза́цького на-вѣ́къ не збавля́е!

Тя́жко, тя́жко менѣ́ пѣ́бе
Зъ до́му одправля́ти,
А ще́ тя́жче бі́ля́ се́бе
Въ снего́дьи держа́ти!
Хочъ по́йдешъ ты́ на чужи́ну —
Слёзы менѣ́ ли́ти;
Хочъ зоста́влю тебе́, сы́ну —
По всякъ ча́съ тужи́ти! . . .

(104) Дзво́нъ — колоколъ. (104') Неха́й, хай — пусть, не-замай (въ Библіи — небрани).

То ста́ршая сестра́ коне́нька выво́дить;
Що найменша рыда́е,
Слова́ми промовля́е:
Изъ яко́и тебе́, бра́те,
Споро́ноныи ждати?
Чи одъ чи́стого поля,
Чи одъ Чо́рного мо́ря,
Чи одъ сла́вного Запоро́зья?

„Возьми́ ты, се́стро, жо́втого пе́ску́,
Да посе́й ты, се́стро, на бе́лому ка́мнѣ:
Коли́ бу́де жо́втый пе́со́къ выроста́ти,
Зеле́нымъ барвíнкомъ ка́мѣнь успила́ти!
Въ той ча́съ бу́ду, се́стро, до ва́съ прибува́ти!
Бо якъ тя́жко на безво́дьи ры́бѣ пробува́ти,
Такъ тя́жко на чужинѣ́ безро́дному прожива́ти!“

То те́е промовля́въ, на коня́ се́да́въ, опроще́нье
пріймáвъ,
Сму́тно зъ двора́ отце́вського коза́къ выѣзжа́въ.
До́вго воны́ на моги́лѣ край села́ спои́ли:
До́вго, до́вго коза́ченька во́чьми прова́жа́ли, —
А ще до́вше воны́ ёго́ до́ма оплака́ли.

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

Не си́за зозу́ленька въ те́мнôмъ лу́зѣ кува́ла,
Не дрôбная пта́шка въ садку́ щебета́ла,
Сестра́ зъ бра́томъ изъ-дале́ка розмовля́ла,
Покло́нъ посыла́ла:
„Бра́тûку мôй ми́лый,
Якъ голу́бонько си́зый!
Прійди́ до ме́не изъ чужо́и стороны́,
Посѣти́ мене́ при лихôй годинѣ́!“
—Се́стро моя́ рôдне́нька,
Якъ голу́бонька сизе́нька!
Якъ я ма́ю прибува́ти,
Тебе́ навѣща́ти,
За те́мными за лѣса́ми,
За да́льными за степа́ми,
За бы́стрыми за вода́ми? . . .

„Чере́зъ те́мный лѣ́съ я́снымъ со́коломъ лети́,
Чере́зъ бы́стрыи во́ды бѣ́лымъ ле́бедемъ плыви́,
Чере́зъ степы́ дале́кіи перепе́лочкомъ бѣжи́,
На моêмъ, бра́те, подвôрьû ты голубо́нькомъ пади́,
До́бре сло́во взговори́,
Мо́е се́рдце сиро́тськее звесели́!
Чужû, бра́те, се́стры зъ до́му Бо́жого иду́ть,
Всѣ́ якъ бчôлочки (105) гуду́ть,

(105) Бчола́ или бджола́ — пчела.

На хлѣбъ, на сôль людéй закликáють,
Менé-жъ, брáте, слóвомъ не займáють,
Мовъ въ вôчи не знáють . . .
А якъ колú-сь зъ нáми хлѣбъ-сôль повожáли,
Въ той чáсъ кумáми, побратáми звáли;
А якъ пристúгла несчáстна годúна —
Назвáна и крôвна одреклáсь родúна. . . .«

КНИГА ВТОРАЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина́, то и дѣ́янье:
Синему морю на ути́шенье,
Быстрымъ рѣка́мъ слава до́ моря,
А добрымъ людямъ на послу́шанье,
Веселы́мъ мо́лодцамъ на погу́дочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга; а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *бро́дники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои, не сообразуя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *га́йда* — пошёлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *га́йда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — КРАВЧИ́НА: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шитьемъ *кожухов* (тулуповъ), былъ *краве́ць* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ пропивниковъ, что̀ и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

ВВЕДЕНІЕ.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—385) отдалило climakомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Русскую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родственнаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она составляла древній періодъ нашей Исторіи, и потомъ вмѣстѣ съ ними сто лѣтъ влачила иго ярма Татарскаго. — Въ то время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отнялъ Кіевъ *у поганой Татарвы*, и Украиною овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русичей* на Татаръ и на Крижаковъ. Потомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (Pacta Conventa, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, punctum saliens *Великой Россіи;* и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиналось *Козачество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою чертою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — приставъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ составленію *Козачества* за Порогами Днѣпровскими — тамъ, гдѣ вонственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ родилась дружная, отважная, холостая ватага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матери, ибо для нея была *Сѣчь мати, а великій Лугъ батько*. Козаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы и добычи, и всякой выходецъ — кнобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ ихъ*.

Двѣ стихіи сіи, т. е. *Азіятски-наѣздническая* и *Грекохристіянская*, глубоко приняты были коренным племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣздническій воспитали въ немъ непрестанныя схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіянство и *письмéнство*. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоитъ въ угрюмой, сполъ способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Русское* море, и въ *грустномъ безпечьи*, къ коему расположила ихъ жизнь степей Дѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ — *Земля Руская*, *Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Червленную *(Красную) Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Руськимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Рускому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской Поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никон. Лѣт. Ч. 5. с. 4. — „Того-же (1259) „лѣта Батый нача посылати рать на грады Рускіе, и взяша „градъ *Переяславль Рускій* иже въ *Кіевѣ*.“ Переясловъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ отличіе отъ Переяславля Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Былевыя пѣсни
о временахъ козачества доуніатскихъ.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва — не вмре́, не поля́же,
Лы́царьство коза́цьке вся́кому розка́же! . .
Дума X.

Замѣчаніе I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу переспѣвало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхе́тное*. — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣзднка*, сталъ называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ лѣтописи — на Украинѣ было столько, сколько и людей: „речеть старшій слово, абіс войска числомъ аки трава „будень!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* представляло собою *рыцарство Восточное*, *народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Лянкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Задѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками *Вепжикъ* (*Вепцеславъ*) *Хмельницкій*, *Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *той6ъ Слава дней своихъ*! Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Баторія (или *Батыря*) получилъ титулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Сериага* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ назвать быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воспавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонтѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гетьмана, послѣдовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ того́ Па́на Ива́на,
Що Свѣрго́вського Гетьма́на,
Да я́къ бусурма́ны по̂йма́ли:
То го́лову ёму́ руба́ли,
Ой го́лову ёму́ руба́ли,
Да на бунчу́къ вѣша́ли,
Да у су́рмы выграва́ли,
Зъ ёго глумова́ли.

А изъ ни́зу хма́ра стяга́ла,
Що во́роно̂въ клю́ча набѣга́ла,
По Укра́инѣ тума́ны кла́ла;
А Укра́ина сумова́ла (106) —
Ой Укра́ина сумова́ла,
Свого́ Ге́тьмана оплака́ла.

Тоди̂ бу́йни̂ вѣ́тры завыва́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана сподѣва́ли?

Тоди̂ кре́четы нале̂та́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана жалкова́ли?

(106) Сумова́ти — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Старины кн. 1. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, надѣясь дополнить ихъ при помощи моихъ читателей.

Тодѝ орлы́ загомонѣ́ли (107).
— Дѐ-жъ вы на́шого Ге́тьмана зхорони́ли ?

Тодѝ жайворо́нки повили́ся.
— Дѐ-жъ вы изъ на́шимъ Ге́тьманомъ простили́ся?

У глыбо́кѝй у моги́лѣ,
Бѝля́ го́рода бѝля́ Ки́ліи,
На Туре́цькѝй ли́нѣи!

Переводъ.

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; то рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья тянулась туча, набѣгала что стая вороновъ, и сплала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гетьмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда налетали кречеты . . . Гдѣ вы тужили по нашемъ Гетьманѣ? — Тогда закричали орлы.... Гдѣ вы схоронили нашего Гетьмана? — Тогда повились жаворонки . . . . Гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетьманомъ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Киліи, на Турецкой линіи.

(107) Го́мо́нъ — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у го́родѣ у Черка́сѣ су́рмы засурми́ли,
Якъ тѣ Ля́шськи̂ комиса́ры до Ге́тьмана приходи́ли.

Ой у го́родѣ у Черка́сѣ бу́бны заора́ли,
Якъ тѣ Ля́шськи̂ комиса́ры до Ге́тьмана прибува́ли.

Ой заржа́ли ко́ни̂, ко́ни̂, да по̂дъ го́ру йдучи́,
Заголоси́ли бусурма́ны до Ки́ліи ѣдучи́.

Опъ, якъ па́нъ Свѣрго́вськiй до Ки́ліи прибува́въ,
Усѣхъ козако̂въ збі̂ра́въ, да на Радѣ прохва́въ.

Си́зымъ о́рликомъ ле́та́въ, яворо́нькомъ гну́вся:
— Де́-сь то я, мои́ ми́лы бра́тья, да й сподѣну́ся?

Сподѣну́вся панъ Свѣрго́вськiй у сыро̂и́ моги́лѣ,
Якъ козаки́ бі̂ля́ ёго да загомонѣ́ли!

3.

Ой панъ пы́шный, панъ Свѣрго́вськiй,
А ще дру́гiй панъ Зборо́вськiй,
А ще тре́ті̂й Морозе́нко,
А четве́ртый панъ Горле́нко.

Що зъ Воло́хами Ту́рокъ дере́ться
А зъ Тата́рами Во́лохъ бье́тся.
Да Воло́ськи̂ зе́мли̂ руйну́ють,
Пли̂ндру́ють ще й не милу́ють.

Не то ба́тенько сы́на проща́въ
Ша́блю да збро́ю дава́въ;
А то ма́ти сы́на выпровожа́ла —
Що слѣзьми́ опроще́нье дава́ла,
Що на го́ре собѣ ёго́ выгодова́ла.

4.

Пла́кала стара́ ба́ба Грици́ха,
Мо́въ перепели́ха, мо́въ перепели́ха.

Молода́ сестра́ со́нъ-траву́ (108) ирва́ла,
Спару́ю пыша́ла, спару́ю пыша́ла:

— Чи той со́нъ-трава́ коза́цькая си́ла?
Чи той со́нъ-трава́ коза́цька моги́ла?

„Ой той со́нъ-трава́, голу́бонько, зроси́вся у по́лѣ,
Да по́йма́ла ту траву́ недо́ля, да дала́ моёй до́нѣ.

Ой до́ню-жъ, до́ню, моя́ до́ню! го́дѣ сумова́ти,
Що на́шого молодо́го Йва́на въ моги́лѣ шука́ти! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗЕ́НКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упомянается какъ его сподвижникъ: и только основываясь на семъ, я помѣщаю здѣсь пѣсни объ этомъ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Исторіи Морозенко мнѣ неизвѣстенъ.

5.

Ой Моро́зе, Морозе́нку, ты сла́вный коза́че!
За тобо́ю Морозе́нкомъ Украйна пла́че.

(108) Эта могильная *сонъ-трава*, разцвѣтающая весною, принадлежитъ къ роду Анемона (Anemone patens). — Анемоны, по Греч. Мио., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса. По словамъ Марксвича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ-травѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́ти — искать.

Не пáкъ шáя Украйна якъ пé гóрде вôйсько . . .
Запла́кала Моро́зиха иду́чи на мѣ́сто (110).

— Го́дѣ, го́дѣ, Моро́зихо, по сы́нѣ пужи́ши;
Ходѣ́мъ зъ на́ми козака́ми ме́ду, вина́ пи́ши!

„Чого́-сь менѣ, ми́лы бра́тья, ме́дъ, вино́ не пьѣ́тся:
Ой де́-сь по мôй Морозе́нко да вже́ зъ Ту́ркомъ бьѣ́тся!

Отъ, зъ-за горы́, изъ-за кру́чи (111) го́рде вôйсько выступа́е—
По-сам-пе́редъ Морозе́нко си́вымъ коне́мъ выграва́е.
Склони́въ-же вôнъ голо́воньку свому́ коню́ на гри́воньку:
— Бѣ́дна-жъ моя́ голо́вонька! се́ чужа́я спорю́нонька! (*) —

А въ на́шого Морозе́нка черво́ная стро́чка (112):
Де́ проѣ́де Морозе́нко — крова́вая рѣ́чка.

За рѣ́чкою за Лима́номъ поко́паны шанцы́ . . .
Взяли́, взяли́ Морозе́нка въ недѣ́леньку вра́нцѣ.

Посади́ли Морозе́нка на тесовôмъ спо́льцѣ:
Зняли́, зняли́ зъ Морозе́нка зъ черешо́въ (113) червоньцы́.

Посади́ли Морозе́нка на жо́втомъ пѣсо́чку:
Зняли́, зняли́ зъ Морозе́нка крова́ву соро́чку (114).

(110) Мѣ́сто — кромѣ го́рода, знач. еще и рынокъ; мѣ́сце — мѣсто. Горо́дъ — огородъ. (111) Кру́ча — крутизна. (112) Стро́чка — лента узкая и строчка. (113) Че́решъ, черешо́къ — че́резъ, въ коемъ носили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей куплетъ встрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одномъ изъ пяти варіянтовъ сей пѣсни Морозенко представленъ Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — *съ Лященьками бьется*, и конецъ пѣсни такой:

Воны́-жъ ёго́ а ни би́ли, ни въ чве́ртй руба́ли, (115)
Тôльки зъ ёго́ молодо́го живце́мъ се́рдце взя́ли.

6.

Въ недѣ́леньку ране́сенько, да ще́ до схо́дъ со́нця,
Ой пла́кала Моро́зиха, си́дя у вôко́нця.

Морозе́нко коза́ченько якъ ма́къ розпука́вся,
Морозе́нко коза́ченько въ нево́лю попа́вся! —

— Продава́йже, матю́сенько, волы́ да коро́вы,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ тя́жкои нево́ли!

Продава́й же, матю́сенько, быки́ да тели́цй,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ сыро́и темни́цй.

Не ла́й мене́, матю́сенько, гро̂зными слова́ми,
Схамене́шся й обо̂лье́шся дро̂бными слёзами....

Да вяжи́, вра́жа Татарю́го, наза́дъ ру́ки спу́га,
Бу́де на ва́съ, коза́ченьки, вели́ка потю́га (116)!

Ой по̂йду́ я въ чи́сте по́ле на Са́воръ-моги́лу;
Ой гля́ну я, подивлю́ся на свою́ Вкраи́ну!..

(115) Т. е. чертвертовали. Чве́ртьь, чве́ртк — четверть. (116) Потю́га — отрада. Ту́га — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружнаго*, сиоль прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богда́не, Богда́не, Запоро́зькій Гетьма́не!
Да чому́-жъ въ чо́рнôмъ хо́дишъ, да въ чо́рнôмъ оксами́итѣ? (117)
— Гей, були́-жъ въ ме́не го́стій, да го́стій Татаро́ве:
Одну́ нôчъ ночова́ли: спару́ не́ньку заруба́ли, а миле́ньку собѣ взя́ли.
Ге́й, сѣдла́й хло́пче коня́, коня́ вороно́го,
Тата́ръ ивы́дко догоня́ти, миле́ньку одбива́ти!
Ге́й, у чистôмъ по́лѣ тамъ Тата́ре ночуютъ и вече́рю гопу́ютъ (118);
Тата́ринъ по та́бору хо́дитъ, миле́ньку за ру́чку во́дитъ.
Ге́й, одсу́нься, миле́нька, неха́й забы́ Татаре́нка! —
— „Чи забье́шъ, чи не забье́шъ, тôльки мене́ зъ ума́ зведе́шъ!
Чи влу́чишъ, чи́ не влучишъ, тôльки мѣшка́нья (119) розлу́чишъ.
Ой сѣдла́й, ми́лый, коня́: ты́-жъ не мôй, я не твоя́!
Гей, коли́ жива́ бу́ду, то я́ тебе́ не забу́ду!“

(117) Оксами́тъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Гопу́ю — готовлю. (119) Мѣшка́нье — сожитіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, столь извѣстнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фамиліи часто бываютъ у Малороссіянъ (изъ 8 й Думы видно, что Полк. Адамовичь назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Волочаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Господарство, но измѣннически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Ка́невѣ товарищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который постригся 1579 въ монахи Ка́невскаго монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ шля́хомъ* дорога, идущая отъ Ка́нева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежи́ть *Га́ся*, простягла́ся — я́къ уста́не, не́ба доста́не?

8.

Охъ и си́ла, си́ла, си́ла си́лу подолѣ́ла:
Серпяго́ви̂ да у Льво́вѣ сподѣ́лась моги́ла.

Сподѣ́лась моги́ла... я́къ Воло́хамъ лю́бо!
Притина́ли (120) да Серпя́гу до сухо́го ду́бу.

Ой Воло́хи, ой Воло́хи! зъ чого́ жъ ёго́ зва́ли,
Що козака́мъ Запоро́зьцямъ да изра́ду (121) да́ли?

Да изра́ду да́ли Господарю́ сво́му —
Ой Ге́тьману Серпя́гови̂ до́бре було́ й до́ма.

(120) Притина́ти — прикрѣплять. (121) Изра́да, зра́да — измѣна, предательство. Зра́да значитъ и *гибель*.

Поминáйте-жъ лúхомъ Господаря́ свóго —
Чи вôнъ дóбрый, чи вôнъ злю́ка, ой щó вамъ до тóго!

Хочъ вôнъ дóбрый, хочъ и злю́ка, абы́ не падлю́ка (122).
Припинáйте-жъ да Серпя́гу до сухóго сýка!

Що Серпя́га, що Серпя́га — бра́тка Жа́ха ма́е,
Да вôдъ бра́тка, да вôдъ Жа́ха помúнъ сподѣва́е (123).

Переводъ.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягѣ во Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господарство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягѣ хорошо было и у себя.

Поминайте-жъ лихомъ своего Господаря . . . добръ ли онъ, золъ ли, что̀ вамъ до того! . . .

Хоть онъ добръ, хоть и золъ — только бъ не подлецъ. Вяжите-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . . у него есть братъ Жахъ, — и отъ брата, отъ Жаха онъ ждетъ себѣ помина.

(122) Падлю́ка (па́дло) — подлецъ, собственно же падаль. (123) Сподѣва́тися, надѣяться.

9.

Ой зъ го́рода изъ По̂лта́вы (*) выѣзжа́ли коза́ки.
Усѣхъ було́ три та́боры, да всѣ три одна́ки.

У пе́ршому у та́борѣ усѣ́ лестровы́и,
У дру́гому у та́борѣ усѣ́ хорунжи́и,
У тре́тёму у та́борѣ усѣ́ куре̂нны́и.

Ой ѣ́хали-жъ воны́ три дни̂ й три но́чи̂ въ Поку́тьѣ;
Ой на тре́тю да ура́ньцѣ (123) тре́ба въ Ме́рджѣ бу́ти.

А въ го́родѣ да у Льво́вѣ зашуме́ли ве́рбы:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть — Серпя́га то ме́ртвый.

Ой въ го́родѣ да у Льво́вѣ задзвони́ли дзво́ны:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть, пра́вляць похоро́ны.

А въ го́родѣ у Ка́невѣ, да й заголоси́ли,
Що Серпя́гу у моги́лу ти́хо положи́ли.

Ой Серпя́гу положи́ли, да и захова́ли;
Да помѝнъ по Украи́нѣ, помѝнъ во̂дправля́ли.

(123) Ура́нцѣ, вра́нцѣ — поутру; ра́нокъ — утро.
(*) Прежняя Полтава находилась на р. Голтвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, 1589. Нѣсню сію я отношу къ нему, и не знаю кому бы она шла болѣе.

10.

Гéй, зъ у́стинѝ (124) Днѣпра́, да до верши́ны
Сѣмсо́тъ рѣчо́къ и чопы́рѝ,
Да усѣ́ воны́ да у Днѣпръ вида́ли,
У Днѣпръ пра́вный несказа́нный! —
Да повѣ́йте, вѣ́тры низовы́и,
Ой на па́русы безодны́и (125)!
Ой сиди́ть коза́къ да на де́менѝ (126),
И во́нъ де́меномъ поверта́е,
И на Чо́рне Мо́ре поглядда́е:
Ой плыве́ судно́, одни́мъ-одно́,
Въ ёму́ Ту́рчинъ сиди́ть зъ Туркѐнею,
А Туркѐня сиди́ть, вона́ не гуля́е,
Шовко́венькій рушничо́къ (127) вышива́е.
Ой кому́ сей руши́къ бу́де —
Ой чи Ту́рчину, чи Тата́рину,
Ой чи коза́кови молодо́му?
— Ой се бу́де Кошово́му молодо́му.

---

(124) Устия — устье. (125) Безо́дный — бездонный.
(126) Де́менъ — корма. (127) Руши́къ — полотенцо.

ОТРЫВОКЪ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому, бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венчеслáвъ на конѝ гуля́ти,
А повѣсивъ черезъ плéчи да сайдáкъ * багáтый.
Грай мóре, Чóрне Мóре!
Гáла, гиды, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Былевыя пѣсни о временахъ козачества отъ возстания противъ унии до смерти Богдана.

Въ той часъ була́ че́сть, сла́ва,
Во́йско́вая спра́ва:
Сама́ себе́ на смѣхъ не дава́ла,
Непрія́теля по́дъ но́ги топта́ла.

Дума VIII.

Замѣчаніе II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ притѣсненія, которыя Украинѣ стала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христофоръ Косинскій*, вызвавшись быть Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гетьманы *Павелъ Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, затихли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, столько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провелъ съ ними подъ Переяловомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). *Сулима*, *Павлюкъ*, *Остраница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновѣй Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ того онъ въ 1654 году подался Царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переяловѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Чтен. Бант. Кам. И. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у го́родѣ Могилевѣ ды́момъ потя́гну́ло.
Якъ не во́йсько Запоро́зське зъ гарма́тъ да ревну́ло.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ да ста́лося пу́сто,
Якъ повѣяли коза́ки зъ самопа́ло́въ гу́сто.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ орлы́ да гадю́ки (128) —
Ля́цькимъ пѣ́ломъ году́ються, Ля́цьку пѣ́лу ра-
ду́ются.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ, що пни́ да коло́ды...
Прилучи́лося, бачъ, ли́хо Ля́цько́ви поро́дѣ.

Не тако́е ище́-бъ ли́хо, якъ та́я позо́ра,
Що хо́дитъ по бѣ́лу свѣ́ту зъ двора́ да до дво́ра.

Не такъ та́я позо́ра, якъ козака́мъ пора́да . . .
Що, Кравчи́ну (129) шану́ючи, Ляха́мъ дала́сь зра́да.

Дала́сь Ляха́мъ зра́да изъ са́мого ра́на,
Одъ Ге́тьмана Наливайка, шано́вного Па́на.

Переводъ.

Въ городѣ Могилевѣ потянуло дымомъ, какъ Запорожское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадю́ка — змѣя. (129) Кравчи́на — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ стало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли густо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да змѣи: Ляшскимъ тѣломъ питаются, Ляшскимъ тѣломъ потѣшаются.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды... приключилося, вишь, лихо Ляшской породѣ!

Не такъ-то еще лихо, какъ тотъ позоръ, что ходитъ по бѣлу̀ свѣту отъ двора во дворъ.

Не такъ еще и позоръ, какъ та отрада козакамъ, что гибель, минуя Запорожское войско, постигла Ляховъ.

Постигла Ляховъ гибель съ самаго зарапья, отъ Гетьмана Наливайка, досточтимаго пана!

12.

О смерти Наливайка, который попался въ плѣнъ Жолкевскому при Лубнахъ. Кто такой былъ Игнатъ *Голый*, столь прославляемый въ пѣсняхъ, по Исторіи не видно.

Сла́вна ста́ла та́ Кравчи́на якъ на По́льщу ста́ла,
Вовкула́камъ, Капели́камъ (130) мстю́чи зра́ду да́ла.

Ту́ю зра́ду, ту́ю зра́ду, що въ муре́, въ темни́цѣ
Зъ Наливáйка позыча́ла (131) якъ зъ бе́дной вдови́цѣ.

Вдо́винъ сы́ну, вдо́винъ сы́ну! е́ще въ не́бе бра́тья,
А въ братто́въ твои́хъ коза́ко́въ бага́цько завзя́тья (132)! —

(130) Вовкулака — упырь, оборотень. Слово Каделикъ у Козаковъ было самое поносное. (131) Позычати — брать взаймы. (132) Багато — много; багацько — множество. Завзятье — отвага, удальство.

Зходи́лися всѣ коза́ки, Ра́ду положи́ли,
Да на Ра́дѣ на Поля́кôвъ похо́дъ присуди́ли.

Розходи́лися коза́ки изъ свои́хъ Ра́ды,
Выбîра́ли зъ-пôдъ камêньêвъ вели́кîи кла́ды.

Кла́ды продава́ли, самопа́лы купова́ли;
Купова́ли самопа́лы, въ похо́дъ выступа́ли.

А попе́реду всѣхъ Го́лый -- со́коломъ лѣша́е;
На ко́нику воро́ному жа́хомъ выграва́е (133).

Приверта́ли козаче́ньки по-ра́ну до Слу́чи,
Да зъ гарма́ты густова́ли Катели́кôвъ зву́чи.

А Ляхи́ й почу́ли, увъ отвѣ́тъ ревну́ли —
Бо-да́й-же (134) ймъ тя́жко й ва́жко, що воны́ ревну́ли.

Що воны́ ревну́ли, бѣду́ провѣща́ли;
А коза́ки Гайдама́ки ду́мали й гада́ли.

Ду́мали й гада́ли, ду́мали й гада́ли;
Тя́жко, ва́жко за Ге́тьманомъ свои́мъ сумова́ли.

А въ Варша́вѣ да на Ра́дѣ да су́дыи суди́ли;
Да запали́ли Наliва́йка въ волу́ — присуди́ли.

Присуди́ли Наliва́йка да Ляхи́ спали́ли,
Присуди́ли козаче́ньки Ляха́мъ вôдомсти́ли! —

(133) Носится, какъ страхъ. (134) Бог-да́й или бо-да́й — пусть, да будетъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Костискомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чу́ра, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ отмщеніи за него взывающій къ козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулимы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про Гетьманство Потоцкаго и двукратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ го́родѣ въ Бату́ринѣ дзво́ны задзвони́ли:
То коза́ки Гайдама́ки у Ра́дѣ ради́ли.

Ой у Ра́дѣ да ради́ли, якъ на По́льщу ста́ти,
Да на Ра́дѣ присуди́ли Вкраи́ну ê дна́ти.

Отъ и вы́йшли Гайдама́ки, хочъ ты́сяча й двѣ́стî,
Да бага́цько да за ни́ми зведе́тся коры́стî!

А попе́реду па́нъ Сули́ма Ота́манъ Кошо́вый —
Чого́-жъ жа́ху завдава́ти, що вôнъ чорнобро́вый?

Панъ Сули́ма, панъ Сули́ма козакôвъ збîра́е,
Да й усѣ́мъ тѣмъ Гайдама́камъ вôнъ та́къ промовля́е:

„Това́риши Гайдама́ки, чинѣ́ть мою́ во́лю!
„Що намъ тре́ба вôдплати́ти Вкраи́нську недо́лю.

„Хочъ насъ, паны́ Гайдама́ки, и ты́сяча й двѣ́стî;
„Да бага́цько да за на́ми зведе́тся коры́стî!

„Ой бага́цько да коры́стй зведе́тся за на́ми,
„Коли́ зхо́чете поби́ться бу́чно (135) изъ Ляха́ми.“—

Якъ на те́е обôзва́вся Лободôвськiй чу́ра;
До козакôвъ уклоня́е, отъ-та́къ промовля́е:

— Ой пано́ве Гайдама́ки, до́бре себе́ ма́йте —
Що за мого́ па́на Йва́на Ляха́мъ вôдомща́йте!

Ой мôй па́не, па́не Йва́не, де́-сь то ты́ зобга́вся,
Що на Ляхôвъ ста́въ завпе́рше (136), да й не сподѣва́вся!

Ой мôй па́не, па́не Йва́не, Налива́йкôвъ дру́же,
Що зада́въ зъ нимъ зра́ду Ляха́мъ, зада́въ — да й байду́же (137)! . . .

Ой мôй па́не, па́не Йва́не, де́-сь то ты́ сподѣ́вся,
Що у мурѣ́, у темни́цѣ Ляха́мъ знадоби́вся!

Ой пано́ве Гайдама́ки, па́на Йва́на зпомянѣ́те,
Да за мого́ па́на Йва́на Ляха́мъ вôдомстѣ́те!

Коли́ хо́чете Вкраи́ну до се́бе êдна́ти,
То вамъ тре́ба па́на Йва́на добро́мъ помина́ти.

Якъ Вкраи́ну тiи Ля́хи до се́бе êдна́ли;
Тодй на́ши зъ па́номъ Йва́номъ въ похо́дъ выступа́ли.

Якъ Вкраи́ну тiи Ля́хи до се́бе êдна́ли,
Тодй на́ши зъ па́номъ Йва́номъ Ляхôвъ воюва́ли.

(135) Бу́чно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Байдуже, сйлькйсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхо̂въ воюва́ли, якъ по Бу́гу ста́ли;
Да Гетьма́на Попо́цького двочи̂ заганя́ли.

Ой и Ляхо̂въ воюва́ли, якъ по Пру́шу ста́ли;
Того́ було́ що й Цоцо́ру до́бре илиндрова́ли.

До́бре було́, до́бре було́, да спа́лася зра́да.
Що заби́то па́на Ива́на у недѣлю зра́на. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМѢ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, который предался Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Голымъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старинѣ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Исчаѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетерлхъ*, сынѣ и отцѣ, предавшихся Полякамъ подъ Капевомъ предъ битвою Чигиринскою (1596); Тетерско поймалъ подъ Варшавою козакомъ *Случаемъ*.

14.

Ой бу́въ въ Се́чѣ стары́й коза́къ прозва́нiемъ Ча́лый;
Вы́годовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не захотѣвъ да панъ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Во̂нъ по̂йшо́въ-же до Ля́шенько̂въ сла́вы залучи́ти.

Ой во̂нъ по̂йшо́въ до Ляше́нько̂въ слу́жбы во̂дправля́ти,
Изъ Ляха́ми Правосла́вну Це́рковъ руйнова́ти.

Збира́лися Запоро́зцй, всѣ въ Ра́ду захожа́ли;
За похо́ды туды́-сюды́ про-мѣжъ се́бе рахова́ли.

Усѣ прійшли́, усѣ прійшли́, одного́ нема́е;
Ой чо́мъ тебе́, ба́тьку Ча́лый, у Ра́дѣ нема́е? —

„Чого́-жъ менѣ, да пано́ве, у Ра́ду ходи́ли?
Що хо́чете мого́ Са́ву навѣки згуби́ти.

Хочъ спа́въ собѣ вонъ до Ля́хо́въ . . . да вже́-жъ, сы́нку ми́лый,
Чому́ ты спа́въ, чому́ до на́съ таки́й спа́въ спѣсы́вый? “

— Ой спѣсы́вый, не спѣсы́вый — паны́ кажу́ть — Са́ва . . .
Да недо́бра, зурѣвочна спа́ла его́ сла́ва.

Що не то́льки да панъ Са́ва Це́рковъ да руйну́е;
Изъ бѣса́ми спа́въ за-пра́во, й ба́рзо знахорю́е. —

Обозва́вся на те́ Го́лый, ка́же: до́бре зна́ю,
Ой я того́ па́на Са́ву у ру́ки по́йма́ю!

Опъ и спа́ли да пано́ве Ра́ду розсуча́ли;
Свои́хъ ко́ней посѣдла́ли, въ похо́дъ выступа́ли.

Ой бувъ Са́ва, да ѣвъ са́ло да все́ паляни́цѣ;
Не коха́въ Са́ва молоды́хъ дѣвча́нъ, да все́ молоди́цѣ.

Не коха́въ Са́ва да коза́ко́въ, да все́ Капели́ки, —
Загуби́въ Са́ва, пропеса́въ Са́ва свою́ ве́ру навѣки.

Ой бувъ Са́ва въ Немѣро́вѣ въ Ляхо́въ на обѣдѣ;
И не зна́е, не вѣдае о своѣи бѣдѣ.

Ой пье Са́ва и гуля́е, Ля́хомъ выруба́е,
А до его́ що до Са́вы гоне́ць пріѣзжа́е.

— А що́ ты тутъ, малы́й хло́пку! чи все́ гара́здъ до́ма? —
— „Прото́птана, па́не, сте́жка до ва́шого дво́ра.

Да все́ гара́здъ, да все́ гара́здъ, усе́ хороше́нько:
Выгляда́ють Гайдама́ки зъ-за горы́ часте́нько!“

— Отъ-то́ ли́хо, выгляда́ють! я́жъ ӣхъ не бою́ся!
Хиба́жъ нема́ въ ме́не вôйська? я́ не забарю́ся.

Сѣдла́й, хло́пку, сѣдла́й, малы́й, коня́ вороно́го;
Поѣ́демо мы до-до́му хоча́ насъ немно́го. —

Ѣде Са́ва зъ Неми́рова на воронôмъ ко́ню...
А пріѣ́хавши, гада́е да про свою́ до́лю.

— Ой ты-жъ, до́ле — ка́же Са́ва — щерба́тая до́ле! —
Пита́ется челя́доньки: чи все́ гара́здъ до́ма? —

„Гара́здъ, гара́здъ, па́не Са́во! ще лу́чче зъ тобо́ю,
Якъ тебе́ мы поба́чили на воронôмъ ко́ню.“ —

Ой сѣвъ Са́ва въ кôнцѣ́ стола́, да ли́стоньки пи́ше;
А Са́виха на лêжоньку дити́ну колы́ше. —

Сиди́ть Са́ва, ли́сты пи́ше, Са́ва ду́мку дба́е;
Отъ вже Са́ва, да панъ Са́ва, га́дку замышля́е:

— Пôди́, дѣ́вко, у пивни́цю уточи́ горѣ́лки,
Ой неха́й-же я напью́ся за здоро́вье жôнки.

Пôйди́, дѣ́вко, у пивни́цю да принеси́ пи́ва,
Ой неха́й-же я напью́ся да за свого́ сы́на.

Пôди́, дѣ́вко, у пивни́цю внеси́ менѣ́ ме́ду:
Чого́-сь менѣ́ тру́дно, ну́дно — голо́вки не зве́ду. —

Сидíть Сáва въ кóнцѣ столá, все лúсты чúтаé;
А Савúха молодáя все дýма й гадáе.

Сидíть Сáва въ кóнцѣ столá, хлóпця вызывáе,
А Савúха молодáя плáче да рыдáе.

Ой не вспѣла челя́донька зъ спѣны́ ключи́ зня́ти,
Спавъ Йгна́тъ Го́лый зъ Кравчи́ною воро́пла ламáти.

Якъ вóдсýне да панъ Сáва вóкóнце одъ рынку;
А вже пúи, Гайдамáки блукáють по сѣнку.

Тóлькиж тáя челя́донька на порóгъ спупáе,
Ажъ Микúтка пáну Сáвѣ чолóмъ оддавáе.

— „Здорóвъ, здорóвъ, пáне Сáво, якъ ся собѣ мáешъ?
Дóбрыхъ гостéй собѣ мáешъ: чѣмъ ихъ привѣтáешъ?

Ой чи мéдомъ, ой чи пúвомъ, ой чи горѣлкою?
Попрощáйся зъ своúмъ сы́номъ и зъ своéю жóнкою!“

— „Ой дáвъ-бы вамъ мéду й пúва не хóчете пúти;
Ой вы́ жъ менé молодóго хóчете згубúти. —

Ой чѣмъ менѣ васъ, панóве, чѣмъ васъ привѣтáти?
Даровáвъ, менѣ Госпóдь сына, бýду въ кýмы брáти. —

— „Ой не того́ прíйшлú до тéбе, да що́-бъ кумовáти,
А мы́ зъ того́ прíйшлú до тéбе, да що́-бъ розсчитáти!

Ой веди́-жъ насъ, пáне Сáво, у новý комóру,
Да оддавáй, пáне Сáво, козáцькую збрóю.

А дé-жъ твоя́, пáне Сáво, сýкни, сдамáшки,
Що ты́ нажúвъ, врáжій сы́ну, зъ козáцькои лáски?—

Да́ не того́ прійшли́ до те́бе, да що́-бъ кумова́ти;
А мы́ зъ того́ прійшли́ до те́бе, що́-бъ голо́вку зня́ти.

Ой було́-бъ тобѣ́, па́не Са́во, га́рдъ не руйнова́ти,
Коли́ хотѣ́въ Запоро́зьцѣвъ въ ку́мы собѣ́ бра́ти.“ —

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва до я́сного меча́ . . .
Его́ взяли́ на три́ спи́сы изъ пра́вого плеча́.

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва да я́сной зброи́ . .
Его́ взяли́ да по́дняли́ на три́ спи́сы къ го́рѣ.

— „Опсе́-жъ тобѣ́, па́не Са́во, су́кни̂, едама́шки, (138)
Що ты́ нажи́въ, вра́жій сы́ну, зъ коза́цькои ла́ски!“

Ой не вспѣ́въ-же да панъ Са́ва на ко́нька впа́сти:
У кайда́ны закова́ли, спа́ли на́ во́зъ кла́сти.

— Ой, Пано́ве Запоро́зци̂, хиба́-жъ то ва́мъ сла́ва,
Що въ кайда́ны да забы́тый лежи́ть у ва́съ Са́ва?

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю зъ кайдано́въ пусти́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбо́льшую опъ-симъ залучи́ли.

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю мѣ́жъ се́бе прия́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбо́льшую опъ-симъ дарова́ли. —

А Сави́ха молода́я во́кно́мъ упѣ́ка́ла,
На молоду́ челя́доньку спи́льна поглида́ла.

— Хапа́й, хапа́й, челя́доньке, малу́ю дити́ну:
Бу́дешъ жи́ти, пановати, коли́ я не зги́ну! —

Не бои́ться коза́ченько ни гро́му, ни ту́чи̂:
Хорошенько въ ко́бзу гра́е, до Са́вихи йду́чи.

(138) Су́кня — платье. Едама́шка — Дамасская матерія.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асаулъ, захваченный въ битвѣ близь Спарицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гетьманомъ *Степаномъ Остраницею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизы́й о́рлику, молоды́й Чура́ю!
Ой заби́ли-жъ тебе́ Ляхи́ да у своёмъ кра́ю.

Ой заби́ли тебе́ Ляхи́ изъ пивоймъ Гетьма́номъ,
Изъ пивоймъ Гетьма́номъ, що Па́номъ Степа́номъ.

Орлику, сизы́й о́рлику! орло̂въ брато̂въ ма́ешъ,
Що спарѝи й молоды́и — са́мъ и̂хъ до́бре зна́ешъ—

Що спарѝи й молоды́и — все́ въ тебе́ вдали́ся,
Во̂домсти́ти да за пе́бе усе́ поклали́ся.

Що спарѝи й молоды́и усе́ голе̂ны́и (139);
А въ и̂хъ ко́ни̂ вороны́и, швыдки́и й быстры́и;

Ой швыдки́и и быстры́и, якъ орлы́ ле́та́ютъ,
На Ля́шськіи городы́, хма́рой набѣга́ютъ.

А въ и̂хъ спи́сы була́шныи зъ до́вгими ко̂ньця́ми
Усе́ госпри̂ якъ голочки́, зъ до́вгими клюга́ми (140).

А въ и̂хъ ша́бли̂ була́шныи, на обы́два бо́ки,
Вра́жимъ Ляха́мъ зра́ду сы́плютъ по все́ ве́чни̂ ро́ки.

(*) Пѣсня сія, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины.*

(139) Голе̂нный — удалый (быстрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5 Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ Водахъ (въ Екатер. Губ.).

16.

Чи не той то хмѣль, що коло тычинъ вьється?
Гей той то Хмельницькій, що зъ Ляхами бьется.

Гей поѣхавъ Хмельницькій икъ Жовтому Броду,
Гей не одинъ Ляхъ лежитъ головою въ воду.

Не пій, Хмельницькій, дуже той Жовтои воды:
Идѣ Ляховъ сорокъ тысячъ хорошои вроды.

„А я Ляховъ не боюся и гадки не маю,
За собою великую потугу я знаю,

Ищѣ й Орду за собою веду:
А все, вражій Ляхи, на вашу бѣду.“ —

Упѣкали Ляхи, погубили шубы. . .
Гей не одинъ Ляхъ лежитъ, выщеривши зубы!

Спановили Ляхи дубовыи хапы,
Прійдется Ляшенькамъ въ Польщу упѣкати!

Упѣкали Ляховъ дѣ-якіи повки,
Ѣли Ляховъ собаки и сѣрыи вовки.

Гей тамъ поле, а на полѣ цвѣты:
Не по одномъ Ляху заплакали дѣты.

Гей тамъ рѣчка, черезъ рѣчку гліця:
Не по одномъ Ляху зосталась вдовиця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ напосилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельству Пасторія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ монахъ поспавлено *Канёвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же поспавилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время маслянницы.

17.

Ой зъ тёмного лѣсу, лѣсу, изъ Чо́рного га́ю,
Ой крикнули коза́ченьки: утёка́й, Нечаю!

„Якъ я ма́ю коза́къ Нечаю зъ-вôдсёль утёка́ти,
Сла́ву свою́ коза́цькую пôдъ но́ги топта́ти?

Ой е́ въ ме́не Шпа́къ, Шпа́къ — отъ-то́й до́брый хло́пець! —
Ой то́й менѣ дае́ зна́ти коли́ утёка́ти!“

— А я́ тебе́, мôй Нечаю, не убезпе́ча́ю:
Держи́ коня́, держи́ въ сѣдлѣ для свого́ звыча́ю!

Ой я́ тебе́, мôй Нечаю, не убезпе́ча́ю:
Держи́ свою́ шабе́лечку да пôдъ опанчо́ю! —

„Сѣдла́й, сѣдла́й, малы́й хло́пче, коня́ ворonóго,
А побѣжи́ въ чи́спе по́ле, чи йде́ Ляшкôвъ мно́го?“

Верта́ется малы́й хло́пець ажъ изъ Полонно́го (*):
— А йде́ Ляшкôвъ со́рокъ пы́сячъ, тôльки безъ одно́го! —

(*) *Полонное* мѣстечко при р. Хамарѣ, 98 верстъ отъ Житомира.

Коза́къ Нечáй, коза́къ Нечáй на тé не вповáе,
Да зъ кумóю зъ Хмельни́цькою мéдъ-винó кругля́е!...
Бо постáвивъ коза́къ Нечáй при споро́жнї въ мѣсцѣ,
А сáмъ пôшóвъ до кумоньки щýку-рыбу ѣсти.
Ой погля́не коза́къ Нечáй за Тихíи вóды:
Идé Ляхôвъ сóрокъ тысячъ хорóшои врóды!
Подивúвся коза́къ Нечáй у нóву кватырку:
Хóдить Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ якъ курéй по рынку.
Ой якъ крúкне коза́къ Нечáй на хлóпця малóго:
„Сѣдлáй, хлóпче, сѣдлáй, малый, коня́ воронóго!
Сѣдлáй менѣ воронóго, собѣ буланóго —
Гéпъ вырѣжемъ врáжихъ Ляхôвъ, гéть що до ôднóго!“

Ой я́къ стúсне коза́къ Нечáй коня́ острогáми, (141)
За нúмъ Ляхôвъ сóрокъ тысячъ зъ гóлыми шабля́ми,
Ой якъ вôзьме коза́къ Нечáй одъ бáшты до бáшты:
И спáвъ Ляшкôвъ вражихъ сынôвъ якъ снóпики клáсти.
Повернýвся коза́къ Нечáй вôдъ бря́мы до бря́мы:
А постáвивъ врáжихъ Ляшкôвъ у чопырї лáвы.
Повернýвся коза́къ Нечáй на прáвее плéче:
А вжé зъ Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ кровъ рѣчкáми плéче.
Повернýвся коза́къ Нечáй на лѣвую рýку:
Не выскочишь Нечáевъ кôнь изъ Ля́цького трýпу!...
А спотыкнýвся Нечáевъ кôнь на малý тычúну;
Пôймáвъ ёго Калинóвськiй зъ кóня за чупрúну.

(141) Острогá — шпоры.

Чи не то́й-то хме́ль, хме́ль, що вы́соко вье́ться?
Чи не то́й-то коза́къ Нечай́, що зъ Ляшка́ми бье́тся?

Чи не то́й-то хме́ль, хме́ль, а що́ въ пи́вѣ гра́е?
Чи не то́й-то коза́къ Нечай́, що Ляшко́въ руба́е?

Чи не то́й-то хме́ль, хме́ль, що у пи́вѣ ки́сне,
Чи не то́й-то коза́къ Нечай́, що Ляше́нько́въ пи́сне?

Не зна́ете, вра́жі Ляшки́, чѣмъ хло́пця уби́пи:
Сре́бнымъ гу́цькомъ, сре́бнымъ гу́цькомъ ручни́цю набити!

Не за до́вгій, до́вгій ча́съ, за малу́ годи́нку,
Кача́ется Нечаёва голо́вка по ры́нку.

Ой не дба́ли вра́жі Ляхи́ на коза́цьку вро́ду,
Рва́ли те́ло по кусо́чку, пуска́ли на во́ду.

18.

Ой зъ по́дъ га́ю, га́ю, зъ по́дъ Чо́рного га́ю,
Ой кри́кнули коза́ченьки: утє́ка́й Нечаю!

„Ой не бо́йтеся, не бо́йтесь, Паны́ Отама́ны;
Я поста́вивъ сторожéньку усѣми шляха́ми.“

— Ой я́ тебе́, мо́й Нечаю, не убезпе́чаю:
Держи́ свого́ кони́ченька въ своє́мъ обыча́ю! —

„А я́ коза́къ молоде́нькій Ляхо́въ не боюся,
Маю-жъ бо я́ коза́ченько́въ, да й оборони́ся!“

Одъ Кра́сного Бро́ду, одъ Чо́рнои Во́ды
Иде́ Ляшко́въ со́рокъ тысячъ хоро́шои вро́ды.

Ой не вспѣвъ-жé Нечáенько на кóника сѣсти:
Оглянéться назáдъ себé, а вжé Ляхи́ въ мѣстѣ.

Ой порвáвся козáкъ Нечáй до тугóго лýка,
Обéрнеться назáдъ себé — а вжé пóвно трýпа.

Стрепенéтся козáкъ Нечáй объ пóлы рукáми:
Сюды́ гляне, туды́ гляне — течé крóвъ рѣкáми.

Удáрится козáкъ Нечáй объ пóлы рукóю:
„Ой прíйдется розлучúться изъ дѣтьмú й] женóю!“
— Ой дé-жъ твой, Нечáеньку, воронúи конú? —
„У Гéтьмана у Пóльного стоя́ть на припóнѣ.“

— Ой дé-жъ твой, Нечáеньку, кованыи вóзы? —
„Пôдъ мѣстечкомъ Берéстечкомъ затóченú въ лóзы!“
— Ой де-жъ твой, Нечáеньку, сукнú, блаватáсы?
„Гей юсѣкли, порубáли Ляхи́, въ шабельтáсы!“

— Ой дéжъ твой, Нечáеньку, дѣпоньки да жóна?
„Ой въ мѣстéчку Берестéчку сидя́ть собé дóма.

Ой котóрый козáченько буде зъ вáсъ у мѣстѣ —
Поклонúся моéй жôньцѣ й несчастнôй невѣстцѣ.

Нехáй вонá, нехáй берé срéбла-злóта дó-сыть:
Нехáй менé выкупля́е и остáнку прóсить!“

Не хотѣли врáжú Ляхи́ срéбла-злóта брáти,
А волúли Нечáенька въ дрôбный мáкъ сѣкáти.

— Гей вы козачéньки, чи не булú въ мѣстѣ?
Поклонéтесь матýсенцѣ й несчастнôй невѣстцѣ!

Нехáй вонá, нехáй плáче, а вжé не выплáче,
Ой надъ сы́номъ, надъ Нечáёмъ чóрный вóронъ кря́че.

Ой за малý хвúльку, за малý годúнку,
Ой скакáла Нечáёва голóвка по рынку. . . .

ОТРЫВКИ.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСѢ.

Имя *Перебійноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебійносъ, къ которому относится сей отрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривоносъ*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, которой, къ сожалѣнію, я у себя теперь не имѣю.

Ой луга́ми да берега́ми да зеле́ными вѣ́пы (141′):
Да засѣда́ютъ Ляхи́, да засѣда́ютъ паны́, Перебі́йно́са вби́ли.

А Перебі́йно́съ того́ й не гада́е,
Да ме́дъ вино́ попива́е.

Ой одсу́нувъ па́нъ Перебі́йно́съ поку́пьню ква-
тырку —
Ажъ гуля́ютъ Ляхи́, ажъ гуля́ютъ паны́, да по ёго́ ры́нку.

20.

Доко́ль ходи́ли по Украи́нѣ козаки́ зъ рога́ми,
Споя́ли степы́, поля́ обло́га́ми;
Якъ яви́лися на Украи́нѣ попы́ въ ладо́вни́цяхъ:
Спа́ли у мужико́въ пироги́ на полицяхъ.

(141′) Вѣ́пы — вѣпи.

21.

Да не бу́де лу́чче, да не бу́де кра́сче якъ у на́съ на Вкраи́нѣ:
Да нема́е Жи́да, да нема́е Ля́ха, нема́е Уни́и.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Хо́дятъ слу́ги по поко́ю, вздыха́ютъ до не́ба:
Нема́ па́на Гетьма́на — розбі́ймся пре́ба.

23.

Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Коза́къ по́лемъ проѣзжа́е;
Ой вы́ѣхавъ кра́й моги́лы
Кра́й моги́лы Верхови́ны.
„Ты, моги́ло Верхови́но,
Чому́ ра́но не горѣ́ла?“
— Ой я ра́но не горѣ́ла,
Бо кро́вцёю обкипѣ́ла. —
„Ой яко́ю?“ — Коза́цькою,
Полови́ну и зъ Ля́цькою. —

24.

У Гайси́нѣ вѣ́перъ ві́е, а въ Ума́нѣ ти́хо,
Въ Брайловѣ добра́ нема́, а въ Тульчи́нѣ ли́хо.

25.

Бере́зо, чому́ ты не зеле́на? —
Ой я́къ менѣ́ зеле́ною бу́ти:
По́до мно́ю Тата́ры стоя́ли,
Копы́тами зе́млю грасова́ли,
Шабля́ми го́лья позтына́ли. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Былевыя пѣсни о временахъ послѣ Богдана до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вѣчной пáмяти бувáло
У насъ въ Гетьмáнщинѣ колú-сь.

Котляревскій.

Замѣчаніе III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по истеченія коего (1667, Янв. 13) Заднѣпровская Украина отошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ было *обоюдною* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кіев. Синопс. 1823): 28й Иванъ Ильичъ *Скоропадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павелъ Леонтьевичъ *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Даніло Павловичъ *Апостолъ*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичъ *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ Батуринѣ, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣя*. Забубённаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ́ да женцѝ жну́ть,
А по-по́дъ горо́ю,
По-по́дъ зелено́ю
Козаки́ йду́ть.

А попе́реду Дорошéнько —
Веде́ свое́ во́йсько,
Веде́ Запоро́зське
Хорошéнько.

По сере́динѣ Панъ Хору́нжій —
По́дъ ни́мъ коничéнько,
По́дъ ни́мъ воронéнькій
Си́льне ду́жій.

А позáду Сагайдáчный,
Що промѣня́въ жо́нку
На тютю́нъ да лю́льку (142)
Необáчный.

(142) Тютю́нъ — табакъ. Лю́лька — трубка.

— Гéй верни́ся, Сагайда́чный!
Вóзьми́ свою́ жóнку,
Одда́й мою́ лю́льку,
Необа́чный!

„Менѣ́ зъ жóнкою не вози́ться;
„А шютю́нъ да лю́лька
„Козаку́ въ доро́зѣ
„Знадоби́ться!

„Гéй! хто въ лѣ́сѣ? озови́ся!
„Да вы́крешемъ о́гню,
„Да попя́гнемъ лю́льки —
„Не жури́ся! . . . .“

О КОЗАКѢ БАИДѢ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), кажется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкій — Магометъ IV.

А въ мѣстéчку слáвнóмъ Берестéчку
Ой пье Бáйда мéдъ да горѣлéчку;
Ой пье Бáйда да не дéнь, не двá,
Да не одну́ нóчку дай не годинóчку.
Царь Турéцькій къ ёму́ присилáе,
Бáйду къ собѣ́ пóдмовля́е:
— Ой пы, Бáйда, да славнéсенькій!
Будь менѣ́ лы́царь да вѣрнéсенькій,
Вóзьми́ въ мéне Царéвночку,
Будь пáномъ на всю́ Укрáйночку. —
„Твоя́, Цáрю, вѣ́ра прокля́тая,
Твоя́, Цáрю, дочка пога́ная!“

Ой крúкнувъ Цáрь на гайдýки :
— Вôзьмéть Бáйду дóбре въ рýки ,
Вôзьмéть Бáйду извяжéте ,
На гáкъ (142') ребрóмъ зачепéте. —

Ой висúть Бáйда да й не дéнь , не двá,
Да не одну́ нôчку , да й не годúночку.
Ой висúть Бáйда , да й гадáе ,
Да на своró хлóпця споглядáе,
Да на своró хлóпця молодóго ,
И на своró коня́ вороно́го.
„Ой пы, хлóпче молодéсенькій !
Подáй менé лучóкъ да шугéсенькій ,
Подáй менé лучóкъ
И спрѣлочóкъ пучóкъ :
Ой бáчу я три голубóчки ,
Хочу́ я убúти для ёго́ дóчки.
Нехáй же я убью́ Царю́
Та на слáвную вечерю́ !“
Якъ спрѣлúвъ — Царя́ уцѣлúвъ ,
А Царúцю у попы́лицю , (143)
А ёго́ дóчку въ головóчку.
„Отъ-то́ тобѣ, Цáрю, да за пвою́ кáру :
Було́ тобѣ знáти , якъ Бáйду карáти.
Було́ Бáйдѣ гóлову изпя́ти ,
Ёго́ тѣло похова́ти ,
Воронúмъ кóнемъ ѣздúти ,
Хлóпця собѣ зголубúти.“

(142') Крюкъ. (143) Запылокъ.

28.

Пѣсня сія сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажури́лась Украи́на, що нѣ́гдѣ ся-дѣ́ти:
Вы́топтала Орда́ кôньми усѣ́ малî дѣ́ти.

Малы́хъ потопта́ла, стары́хъ поруба́ла,
А сере́днîи забра́ла, у поло́нъ погна́ла.

Ой служи́въ я тому́ Па́ну, Па́ну бусурма́ну;
А тепе́ръ служи́ти ста́ну Восто́чному Ца́рю!

Хо́дить Ляшо́къ по ры́ночку, ша́бельку выйма́е:
Коза́къ ёго́ не бои́тся, ша́пки не знîма́е!

Ось Ляшо́къ до ша́бельки, а Коза́къ до дрю́ка:
Тепе́ръ тобѣ́, вра́жій сы́ну, зъ душо́ю розлу́ка.

ЧАЙКА.

29.

Въ лѣтописи Конисскаго пѣсня сія приписывается *Мазепѣ;* по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Атаманомъ.

Ой бѣда́, бѣда́ ча́йцѣ не́бозѣ (143′),
Що вы́вела дѣ́тки при би́тôй доро́зѣ.

Киги́! Киги́! злетѣ́вши въ го́ру —
Тôльки втопи́ться въ Чо́рному Мо́рю!

(143′) Чайкѣ бѣдняжкѣ.

Жи́то поспѣло, приспѣло дѣло;
Йду́ть женцѝ жа́пи, дѣпо́къ забѝра́пи.
Кигѝ! кигѝ! . . .

Ой дѣпи, дѣпи! дѐ васъ, подѣпи?
Чи менѣ впопи́пься, чи зъ го́ря уби́пься?
Кигѝ! кигѝ! . . .

И кули́къ ча́йку взя́въ за чуба́йку!
Ча́йка кпчи́че: згинь ты, кули́че!
Кигѝ! кигѝ! . . .

А бага́й (144) *бугу́*! гне ча́йку въ дугу́:
Не кричѝ ча́йко, бо бу́де пя́жко!
Кигѝ! кигѝ! . . .

— Якъ не крича́пи, якъ не лѐта́пи:
Дѣпки мале́нькѝ — а я́ ѝхъ ма́пи!
Кигѝ! кигѝ! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢЕНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣенкѣ относится къ той осадѣ Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ се въ теченіе 1½ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ тѣмъ Полтавскую битву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣчь*.

Запоро́зцѝ небожа́пя (144′)! пшени́ця не жа́ла:
Ой по́йдѣте, оглядѣте, пшени́цю зажнѣте.
Ой хочъ по́йдемъ огляда́пи — не бу́демо жа́пи!
Хвали́лися Запоро́зцѝ Полта́вы доспа́пи.

(144) Бага́й — быкъ, здѣсь значитъ быкъ-птица, выпь.
(144′) Голубчики.

Ще Полта́вы не доста́ли, а вже Шве́дъ изда́вся;
На бѣ́дную голо́воньку Кошо́вый зоста́вся.

Ой уме́рла въ Кошово́го старе́нькая ма́ти,
Ой нѣ́кому Кошово́му пора́доньки да́ти.

Восто́чный Ца́рь на Вкраи́нѣ не до̂йма́е вѣ́ры —
Посыла́е Голи́цына, щобъ не було́ змѣ́ны.

„Ой иди́-жъ ты, Голи́цыну, иди́-жъ ты горо́ю,
А я́ по̂йду́ зъ Москаля́ми услѣ́дъ за тобо́ю.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубея и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относится пословица: *Зня́вши го́лову по воло́сьямъ не пла́чуть.*

31.

Мазе́по Гетьма́не, израдли́вый Па́не!
Зле́е почина́ешъ, зъ Шве́домъ наклада́ешъ
И на Царя́ Восто́чного ру́ки по̂до̂йма́ешъ.

По̂дня́въ еси́ Орду, изроби́въ трево́гу! —
А при то̂й измѣ́нѣ бувъ Кочубе́й да Искра:
По̂шли-жъ воны́ зъ-по̂дъ Полта́вы (*) да до Царя́ зни́шка.

А Царь вѣ́ры не до̂ня́въ, до Мазепы одо̂сла́въ:
Скоро́-жъ и̂хъ Мазе́па взрѣ́въ — ба́рзо звесели́вся;
А Кочубе́й изъ Искрою слёза́ми обли́вся.

Усѣ́ Паны́ Сенато́ры, усѣ́ бенке́шъ ма́ли;
Кочубе́я-жъ изъ Искрою ба́рзо забува́ли.

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ доносу.

Тóльки ты́ ихъ не забу́въ, Миргоро́дскій Пане (*),
Що Кочубе́й изъ Искрою за Вкраи́ну спа́ли! —

У Кіе́вѣ на Подо́лѣ пору́баны гру́ши;
Погуби́въ-же пе́сь Мазе́па невѝнныя ду́ши!

Ой вы́горѣвъ весь Батури́нъ, зо́спа́лася ха́па (**);
Да вже́-жь твоя́, псе Мазе́по, и душа́ прокля́та.

Бу́въ у те́бе, псе Мазе́по, оди́нъ хло́пець Не́мець.... (***)
По́шло́-жь пивое́, псе Мазе́по, усе́ добро́ ни́вець! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос. крестьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ и Донцомъ.

32.

У Глу́ховѣ у го́родѣ у всѣ дзво́ны дзво́нятъ;
Да вже на́шихъ коза́ченько́въ на ли́нѣю го́нятъ.

У Глу́ховѣ у го́родѣ спрѣ́льну́ли зъ гарма́ты;
Не по одно́мъ коза́ченьку запла́кала ма́ти.

(145) Ни́вець — ни-во-что̀. Ни́вечнить — портить, ничтожить. Ницъ — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гетьманомъ.

(**) 1708 г. въ Октябрѣ Князь Меншиковъ осадилъ Батуринъ, великолѣпную резиденцію Мазепы, разорилъ и сжегъ его до основанія; на мѣстѣ онаго было только нѣсколько *хатъ*, до 1750 г., когда избранный въ Гетьманы Камергеръ Графъ К. Г. Разумовскій захотѣлъ перевести Гетьманскую резиденцію изъ Глухова опять на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Кенигсенъ*.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣльну́ли зъ ручни́цѣ́;
Не по одно́мъ коза́ченьку пла́кали сестри́цѣ́.

У Глу́ховѣ у го́родѣ попле́пены се́нки;
Не по одно́мъ коза́ченьку заплака́ли дѣ́тки.

На бы́строму на о́зерѣ — гепь пла́вала ка́чка (146);
Не по одно́мъ коза́ченьку пла́кала коза́чка. —

У Гри́цьковѣ огнѣ́ горя́нь, а въ По́лта́вѣ ды́мно;
На мо́гилѣ Ге́тьманъ сиди́нь — гепь-пам'я́го́ ви́дно!

Допевня́йся-жъ (147), нашъ Гетьма́не, допевня́йся пла́ты!
Якъ не бу́дешъ допевня́ти, бу́демо вшѣка́ти.

Ой идѣ́нь-же вы, пано́ве, до Петра́ до сва́та —
Ой тамъ бу́де вамъ, пано́ве, вели́ка запла́та:
По за́ступу у ру́ченьки, да ще́ и лопа́та! . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лѣ, соро́чку лата́е, (148)
Ой ки́нувся до черешка́ — копѣ́йки нема́е.

Сиди́ть пу́гачъ (149) на у́бочу, на вѣ́перъ наду́вся:
Иде́ коза́къ въ Украи́ну, на ли́хо здобу́вся.

Ишо́въ коза́къ на ли́нѣю да и ве́льми наду́вся,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нѣи — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Утка. (147) Домогайся. (148) Починяетъ, кладетъ заплаты. (149) Филинъ.

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по кознямъ Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высо́ко со́нце зхо́дить, низе́нько ложи́тся,
Ой де́-сь то па́нъ Палѣ́й Семе́нъ тепе́ра жури́тся?

Высо́ко со́нце зхо́дить, низе́нько захо́дить,
Ой де́-сь то па́нъ Палѣ́й Семе́нъ по Сиби́ру бро́-
дить!

„Ой чу́ро, мôй чу́ро, мôй вѣ́рный Стоу́сю!
Ой ходѣ́мо у капли́цю (150), Богу́ помолю́ся!

Ой Бо́говû помолю́ся, Святûмъ поклоню́ся. . .
Зледащѣ́въ-же я пону́рый, старе́нькимъ здаю́ся!

Старе́нькимъ здаю́ся, моли́тися му́шу:
Хай ми́луе Милости́вый мою́ грѣ́шну ду́шу!“

Ой натягну́въ ёму́ чу́ра да сѣ́рую сви́ту,
Да да́въ ёму́ да у ру́ку êло́вую вѣ́ту.

Пôйшо́въ па́нъ Палѣ́й Семе́нъ Бо́говû моли́ться,
Не то Бо́говû моли́ться, а не то́ жури́ться.

Прійшо́въ па́нъ Палѣ́й до-до́му, да й сѣ́въ у намêтѣ,
На банду́рцѣ выграва́е: „Лихо жи́ти въ свѣ́тѣ!

То́й, ду́шу закла́вши, сви́ту ба́чъ гапту́е; (151)
А то́й по Сиби́ру — мовъ въ лу́зѣ дубу́е.“

(150) Часовня. (151) Гаптова́ти — шить серебромъ.

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можетъ быть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хто́ въ Крыму́ не бува́въ,
То́й и ди́ва не вида́въ;
А мы́ въ Крыму́ бува́ли,
Мы́ тамъ ди́во вида́ли.

Переко́пськiй комендантъ
Запоро́зьцямъ дае́ знать:
— Ой го́дѣ-жъ вамъ, Запоро́зьцi,
Въ Калантаѣ пробува́ть,

Ой ходѣмо на Ялы́ (?)
Коза́ченькôвъ рятова́ть. —
Запоро́зьцi якъ пôшли́:
Впере́дъ го́лову найшли́;

А въ Жадче́нка Степа́на
Облу́плена голова́,
Въ Моско́вського копита́на
Спи́на обôдра́на.

Лежа́ть на́ши коза́ченьки
Якъ бѣле́нькiи смычки́;
А въ Жадче́нка у Степа́на
По-за но́гтями спички́.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссіянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бу́гомъ надъ рѣко́ю, на Туре́цькôй грани́цѣ,
Тамъ стоя́ли пикинêры, зъ ни́ми компанѣ́йцî.

Зеле́нои Недѣ́лоньки Орда́ наступа́е:
Гей, пано́ве, уступѣ́мо! запа́су не ма́е.

— Ой чого́-жъ намъ уступа́ти, чого́ боемо́ся?
Ой хочъ Орды́ бага́то йде́, мы ếй не дамо́ся! —

Иде́ Орда́ изъ-за Га́рда мно́го зъ прапора́ми: (153)
Наложѣ́те-жъ, пикинêры, от-ту́тъ голова́ми!

Иде́ Орда́ изъ-за Бу́га, и въ Бу́гъ не зноби́тся;
Ста́ли бѣ́днî пикинêры въ Бугъ-рѣку́ топи́ться.

Иду́ть батьки́ и матерî да сынôвъ пита́ють...
— Да вже́, батьки́, ва́шихъ сынôвъ орлы́ догляда́ють!

Не зхотѣ́ли ва́ши сыны́ въ пикинêрахъ служи́ти,
Сѣ́ли собѣ́ слободо́ю надъ Бу́гомъ-рѣко́ю! —

Погорѣ́ли степы́, поля́ й зеле́нî байра́ки,
Иду́ть зъ вôйська у городы́ го́лыи коза́ки.

(153) ра́поръ — знамя, оттуда Прапорщикъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Кистринъ и Госпинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хотинъ?

36.

Ой на мо́рѣ, на мо́рѣ синенько́мъ,
Тамъ пла́вала бѣла лебе́донька
Изъ мале́нькими лебедя́тами.
Де́ ся-взя́въ сизопе́рый оре́лъ,
Ставъ лебе́дку би́ти й забива́ти,
Ста́ла лебе́дка до ёго промовля́ти:
Ой не бій мене́, сизопе́рый о́рлоньку,
Скажу́ тобѣ всю щи́рую (154) пра́вдоньку:

„Якъ у то́мъ мѣсцѣ у Кистри́нѣ
Да бье́тся Орда́ уже́ три́ днѣ,
Бье́тся вона́ три́ днѣ й три годи́ны,
Розби́лася вона́ на три́ полови́ны.
Течу́ть рѣчки́, да все́ крова́выи,
Чере́зъ тѣ рѣчки́ мо́стять мосты́,
Мо́стять мосты́, да все́ голо́вками,
Голо́вками, да все́ Моско́вськими.“

(154) Щи́рый — истинный, настоящій; также чистый, ревностный, роскошный (дерево, цвѣтокъ).

37.

Ой ма́ла вдова́ сы́на сокола́,
Выгодовала, въ во́йсько оддала́.
Ой ста́рша сестра́ коня́ сѣдла́ла,
А середу́ща ху́стку (155) кача́ла,
А наймоло́дша выпроважа́ла,
А ма́ти его́ выпыто́вала:
— Сы́ну мо́й, коли́ прі́ѣдешъ до на́съ? —
„Тоді́ я, не́не, прі́ѣду до ва́сь,
Якъ па́вине пе́рья на-спо́дъ потоне́,
А млино́вый (156) ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плине!“
Вже-жъ млино́вый ка́мѣнь на-ве́рхъ выплинувъ,
Вже й па́вине пе́рья на-спо́дъ потону́ло,
А ще мого́ сы́на зъ Гостина́ не ви́дно!
Вы́йшла на го́ру: — ой всѣ полки́ йду́ть,
То мого́ сы́на ко́ника веду́ть! —
Пыта́ла вона́ всей старшины́:
Чи не ба́чили сы́на со́кола? —
— „Чи не то́ твій сы́нъ, що сі́мъ полко́въ вби́въ,
За во́сьмымъ полко́мъ голо́вку ахили́въ?
Зозу́ля лі́та́ла надъ ни́мъ кую́чи,
А ко́ники ржа́ли его́ везучи́,
Коле́са скрипі́ли по́дъ ни́мъ котючи́сь,
Слу́женьки пла́кали за ни́мъ иду́чи!“

---

(155) Плашокъ. (156) Мельничный. Млинъ — мельница.

ОТРЫВОКЪ.

Ой бѣда́, о́рлику, ка́мѣнь скуе́.
А по Днѣпру́ що по Днѣпру́ молоды́й Коза́къ плыве́,
Молоды́й, коза́къ Ота́манъ Случа́й.
— Якъ сы́кне Тапарю́га, що хо́чъ одвѣча́й.
Що хо́чъ одвѣча́й, хочъ прикмѣ́ты карбу́й,
Хочъ зло́го Тапарю́гу и хло́пцй вербу́й!

О *Случаѣ* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Былевыя пѣсни послѣ Генѣманщины.

Задѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

Замѣчаніе IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ утѣсненій за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отдѣлѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно-*Малороссійскія*, *Заднѣпровско-Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харько́, *Желѣзня́къ* и особенно *Го́нта* были главными лицами, а *рѣзня́ въ Умáньщинѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей тогда въ Задиѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сотникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ;* а по книгѣ Баншынъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жаботинѣ, въ конюшнѣ, Харьку отрубили голову, по приказанію Реймептаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Куплеты 2 и 3й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, горѣлки напи́вся,
За ни́мъ, за ни́мъ сѣмсо́тъ мо́лодцо́въ: — сто́й, ба́тьку! не жури́ся.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, на вы́ечко похили́вся:
Ой чо́мъ-же ты, Па́не-Со́тнику, ой чо́мъ зажури́вся?

„Якъ же менѣ, Паны́-мо́лодцѣ ой я́къ не жури́ться;
Коли́ по́до́мно́ю була́ный ко́ню и рже́ й спанови́ться!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскимъ*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Ви́слы да до Кіева проби́тын шляхи́:
Завладѣли неправди́во кра́смъ на́шимъ Ляхи́.

Якъ-же менѣ, паны-мо́лодцй, ой я́къ ся не жури́ти:
Ои засѣда́е городовы́й Со́пникъ, да хо́че мене́ вби́ти! . . .“

Ой заржа́въ-же вороны́й ко́никъ въ спа́нѣ на помо́стѣ;
А вже́ вби́то Харька́ Со́тника въ Морозо́вцѣ на мо́стѣ.

Ой лети́ть крячо́къ чере́зъ байрачо́къ да й жало́бне́нько кря́че;
Стои́ть Со́тничка зъ Полко́вникомъ да и жало́бне́нько пла́че:

— Ой бог-да́й же ты, Полко́внику, да наложи́въ голово́ю,
Що ты́ мене́ молоде́ньку да наряди́въ вдово́ю!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго Сотника *Гонты*, здѣсь открываются еще для Исторіи Жаботинскій Сотникъ *Мартынъ Бѣлуга*, Смѣлянскій Сотникъ *Шило*, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не есть ли Тимéнко?

39.

Макси́мъ Коза́къ Желѣзня́къ зъ сла́вного Запоро́жья
Процвѣта́е на Вкраи́нѣ якъ въ горо́дѣ ро́жа.

Розпусти́въ во́йсько коза́цькее въ сла́вно́мъ мѣстѣ Жаботи́нѣ —
Гей розлила́сь коза́цька сла́ва по всей Украи́нѣ!

Гей, Максúме Полкóвнику, ты слáвный вóйну!
Гей вышуспи зъ Жаботúна хочъ Лáцьку дитúну.

Максúмъ Козáкъ Желѣзнáкъ лúсты одбúрáе,
Усѣхъ Лáховъ изъ Жидáми до-кýпы збúрáе.

Изôгнáвши усѣхъ Лáховъ зъ Жидáми до-кýпы,
Оддáвъ Лáха Губернáтора да Бѣлýзѣ въ рýки.

Бѣлýга Мартúнъ Жаботúнський да по рынóчку хóдить,
Свогó Пáна Губернáтора за собóю вóдить.

И вóдючи за собóю да й до ёго кáже:
— Не однóго тепéръ Лáха головá залáже! —

Гей якъ выйшовъ Сóтникъ Смѣлáнький зъ своúми Козакáми,
Ступáй, ступáй, Шúло Сотнúку, въ Богуслáвъ изъ нáми!

А въѣхали въ Богуслáвъ да въ сéреду врáнцѣ,
Накúдали въ тôй годúнѣ Жидôвъ пóвнî шáнцî.

Дзюма Козáкъ Умáньскій конéмъ пріѣзжáе,
До Умáня Желѣзнякá зъ собóю пôдмовляе:

Гей, Максúме Полкóвнику, ты бáтьку козáцькій!
Гей не впечé изъ Умáня нáвѣтъ (157) и дýхъ Лáцькій!

Пôдъ Умáнемъ слáвнымъ мѣстомъ велúкіи крýчи;
Гей помлѣли Умáньчики Запорóзьцêвъ ждýчи.

Гóнша Сóтникъ Умáньскій по-мêжъ вôйськомъ хóдить,
Изъ Максúмомъ Желѣзнякóмъ черéзъ лúсты говóрить.

(157) Нáвѣтъ — даже.

А въ недѣлю рáно стáли да у дзвонú бúти;
Гей ставъ Гóнта зъ козакáми пôдъ Умáнь пôдходúти.

Въ понедѣлокъ перéдъ обѣдомъ изъ гармáтъ загýли,
А въ вôвтóрокъ ищé рáньше Умáня добýли. . .

Хвалúлися Умáньчики пôдъ Умáнь идýчи:
Бýдемъ дрáти, панú-мóлодцîй, зъ китáйки онýчи. —

Гей, якъ вúйшовъ Донськúй козáкъ зъ-за Гóстроимогúлы,
Утêкáли Умáньчики, штанú погубúли.

Максúмъ Козáкъ Желѣзнякъ зъ лáгря вúѣзжáе,
Перéдъ Донськúми козакáми, и стрáху не мáе.

Ступáй, ступáй, Желѣзняку! годѣ вже гуляти:
Пôйдемъ въ Кúевъ въ Печéрськее Бóгу роботáти!

И говóритъ Максúмъ Козáкъ, сúдючи въ невóлѣ:
Не бýдутъ мать врáжîй Ляхú на Вкраúнѣ вóлîй.

Течýть рѣки зъ всёгó свѣту до Чóрного Мóря:
Минýлася на Вкраúнѣ Жидôвская вóля!

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Относится къ 1770 г.)

40.

Да стоя́въ, стоя́въ Сóтникъ Гóнта, въ степý три недѣлî;
Наѣхали Смѣля́нчики, да вôнъ ся îмъ звѣривъ.

— Годѣ, годѣ, Сóтнику Гóнта, у степý стоя́ти;
Ходú зъ нáми Козакáми Умáнь грабовáти! —

„Ой я́къ менѣ́ паны́-мо́лодцѝ, Ума́нь грабова́ти,
И на свого́ па́на - ба́тька ру́ки по̂до̂йма́ти?“ —

Ой гуля́йте Ума́ньчики не бо̂йтесь нѣчо́го:
Вы́вѣшали Гайдама́ко̂въ въ Пяти́горахъ мно́го!

Да повѣ́сили Кото́вича на зеле́но̂мъ ду́бѣ; —
Пріѣ́хала ёго́ сестра́ живото́вѝ лю́ба.

Да незлѝченѝ черво̂ньцѝ да въ запо̂льи но́сить,
Хороше́нько Рейме́нтаря кла́няючись про́сить:

— Да дозво́ль, Па́не Рейме́нтарю, черво̂ньцѝ забра́ти,
Мого́ бра́та Кото́вича зъ ши́беницѝ зня́ти. —

Да дозво́ливъ Панъ Рейме́нтарь, черво̂ньцѝ забра́ти;
Не дозво́ливъ Кото́вича зъ ши́беницѝ зня́ти.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтова́лась Украи́на, попы́ и дяки́;
Поги́нули на Вкраи́нѣ Жиды́ й Поляки́.

Прилетѣ́ли на Вкраи́ну изъ За́паду гу́си,
Поги́нули на Вкраи́нѣ неви́нныи ду́ши.

Поги́нули Депута́ты шляхе́тнои вро́ды,
На́вѣтъ та́я дро̂бна шля́хта, ты́и хлѣборо́бы.

О Бо́же мо̂й несконче́ный! що́ ся тепе́ръ ста́ло:
Якъ то вѣ́ра, такъ то вѣ́ра, а ми́лостѝ ма́ло!

О Бо́же мо́й нескончéный! дивúтися го́ре,
Що тепéра, на сёмъ свѣтѣ, вѣра вѣру бо́ре! . .

О Бо́же мо́й нескончéный! въ на́сь пакъ не веде́ться.
Памятáйте, бунтовники́, ва́мъ но не мине́тся!

Ма́ли паны́ на Вкраи́нѣ до́брѣ оборо́нцѣ,
Звѣрилися Со́тниковѣ, Ума́нському Го́нтѣ.

Ма́ли паны́ на Вкраи́нѣ ду́же до́брый нру́нокъ:
Паны́ ты́и розу́мныи дадýть собѣ ранýнокъ.

Паны́ пéе зрозумѣвши, зго́ду учини́ли:
По́дки́нувшись по́дъ Ума́нь, Го́нту излови́ли.

Воны́-жъ ёго́ на-самъ-пе́редъ ба́рзо привѣта́ли,
Чере́зъ сёмъ дне́й зъ ёго ко́жу по-по́ясъ здира́ли.

И го́лову облупи́ли, со́лью насоли́ли,
По́по́мъ ёму́ якъ че́спному наза́дъ положи́ли.

Панъ Рейме́нтарь похожа́е: — дивѣтеся, лю́де!
Хто́ ся то́льки збунтова́въ, по всѣмъ пéе буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Губерніи: по поводу чего, граматой 1774 г. 22 Мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, перемашли - было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000. Сіи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Государыню *разрушить Сѣчь Запорожскую*, повелѣніемъ 1775 г. 4 Іюня, даннымъ Генералъ-Поручику Текелію.

42.

(Къ 1775 г.)

Да вспáнь, Харькý! да вспáнь, бáтьку! гóдѣ вже
намъ спáти:
Ой ходѣ́мо до Царúцѝ мúлостѝ прохáти.
Ой Царúце, нáша Мáти! змúлуйся надъ нáми:
Ой дáй-же намъ прéжнѝ степы́ зъ тéмными лугáми!
— Не дозвóлю Запорóзцямъ степóмъ обладáти,
Да прикажý Москалéвѝ всю Сéчь розоря́ти! —
Ой хóдить нашъ Пань-Кошóвый, шабéльку стискáе,
Такúй-жъ бо вонъ Москалéвѝ вѣ́ры не дóймáе:

„Ой хто хóче зъ шабелькáми, а мы́ зъ кулакáми —
Нехáй пóйде нáша слáва, по-мѣ́жъ козакáми!“

43.

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы́, зъ-за Лиманý вѣ́теръ повѣва́е,
Да вжéжъ Москва́ Запорóзья крýгомъ обступáе.
Ой облягла́, обступúла, да въ гóродъ вступúла,
Москóвськими знамéнами гóродъ закрасúла.
Пóшла́ Москва́ по курѣ́нямъ запáсу збѝрáти . . .
Ой набрáли срѣ́бла-злóта, да й спáли гадáти:
Ой я́къ бы намъ, мúлѝ-брáтья, Запорóзья взя́ти? —
Взялѝ сóтню Кошовóго й Пúсаря Полкóвóго:
Щобъ не булó Запорóзья пóки свѣ́та сёго! —
Ой покры́лось Запорóзье густы́ми лозáми,
Да вмы́лися Москáлики дрóбными слѣ́зáми!

ГАЛКА.

Пѣсня по разрушеніи Запорожекой Сѣчи: не ее ли должно отнести къ Кошевому Кальнашу? (см. *Чайка* на стр. (108.)

44.

Ой полети́, полети́, да чо́рная га́лко, да на Дѝнъ рыбы ѣ́сти,
Ой принеси́, принеси́, да чорная га́лко, одъ Кошово́го вѣ́сти!

— Да вже́-жъ менѣ́ не лѣта́ти на Дѝнъ рыбы ѣ́сти,
Да вже́-жъ менѣ́ не носи́ти одъ Кошово́го вѣ́стѝ! —

Ой вы Запоро́зцѝ, о́й вы молоды́и!
Повдава́лись о́дѝнъ въ одно́го, якъ бра́тья ро́дны́и.

Ой вы Запоро́зцѝ, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши ко́нѝ?
— На́ши ко́нѝ въ Па́на на приго́нѣ, сами́-жъ мы въ невóлѣ! —

Ой вы Запоро́зцѝ, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши у́зды?
— На́ши у́зды въ ко́ней на зану́здѣ, сами́-жъ мы у ну́ждѣ! —

Ой вы Запоро́зцѝ, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши спи́сы?
— На́ши спи́сы у Па́на у стрѣ́сѣ (158), сами́-жъ мы у лѣ́сѣ! —

(158) Стрѣ́ха — крыша изъ прострижку, или соломы.

Ой вы Запорóзцй, óй вы молоды́и! дé-жъ вáши ручни́цй?
— Нáши ручни́цй у Пáна въ свѣтли́цѣ, сáми-жъ мы въ темни́цѣ! —
Ой вы Запорóзцй, óй вы молоды́и! дé-жъ вáши лýки?
— Нáши лýки побрáли гайдýки, сами́-жъ мы въ розлýкѣ! —
Ой вы Запорóзцй, ой вы молоды́и! дé-жъ вáши жупáны?
— Нáши жупáны поноси́ли Пáны, сами́-жъ мы пропáли! —
Ой полети́, полети́, да чóрная гáлко, да на Дóнъ рыбы ѣсти!
Ой принеси́, принеси́, да чóрная гáлко, одъ Кошовóго вѣстй!“
— Да вже-жъ менѣ не лѣтáти на Дóнъ рыбы ѣсти,
Да вжé-жъ менѣ не носи́ти одъ Кошовóго вѣстй! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спáвъ пýгачъ на могúлѣ, да й крúкнувъ вóнъ: пýгу!
Чи не дáсть Богъ козáченькамъ хочъ тепéръ по-пýгу! . . .
Що дéнь, що нóчъ — усé ждемó . . . пожúвы не мáемъ:
Давнó була́! Хмельни́ченька ужé не згадáемъ!
Ой колú-сь мы воёвáли, да бóльше не бýдемъ! . . .
Того́ счáстия й тóи дóлй — повѣкъ не забýдемъ!
Да вжé шáблй заржáвѣли, мушкéты — безъ кýркóвъ,
А щé сéрдце козáцькее не бóится Тýркóвъ!

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По доли́нѣ волы́ реву́ть: ой чому́-жъ то не ко́ни̂
ржу́ть —
Ко́ни̂ вороны́и, ко́ни̂ выпряжны́и!

Ой коли́сь-то ко́ни̂, ко́ни̂... по Кры́мськôй доро́зѣ;
То́-то було́ сча́стье, до́ля у Ла́нському ро́зѣ! . . .

А въ Ла́нському ро́зѣ я́во́ръ похили́вся:
Ой Тата́ринъ тя́жко-ва́жко ве́ртью закрути́вся!

Чи въ те́бе, Тата́рине, горѣ́лонька увъ очи́хъ запѣ́ла?
Чи въ те́бе, Тата́рине, голо́воньку ча́ра заломи́ла?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Се́рбине, Се́рбине! поки́нь сербова́ти,
Вôзьми́ се́рпъ, да йди́ въ сте́пъ пшени́ченьку жа́ти.

— Бо-да́й-же ты, дѣвчи́нонько, того́ не дôжда́ла,
Да що́-бъ моя́ бѣ́ла ру́чка пшени́ченьку жа́ла. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губерніи осталось объ немъ много преданій, и урочище *Се́рбинъ Яръ*. Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Се́рбине, Серби́ночку,
Сва́тай мене́ дѣвчи́ночку! . . .

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Се́рбина не люби́ть, чи то́жъ не хоро́шій:
Очи си́ні́ якъ у жа́бы, са́мъ на чо́рта схо́жій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, который сильно грозно славился въ Украинѣ лѣтъ десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичъ Сомовъ (подъ именемъ П. Байскаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гарку́ша до́бра ду́ша на шля́хъ погляда́е,
Свою́ лю́бу Горпи́ницю выжида́е.

ЛИМАНЪ.

48.

(Отрывокъ.)

У ни́зъ иду́ — вода́ несе́;
Зъ ни́зу иду́ — бѣда́ жене́.
Жалку́ется Лима́нъ Мо́рю,
Що Днѣпръ ро́бить свою́ во́лю:
Свої́ го́рла прочища́е,
Лима́новї́ закида́е . . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Относится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збира́лися комиса́ры по́дъ ца́рськи палаты,
Пи́шуть ли́сты на Вкра́йну по́дъ арши́ны бра́ти.
Написа́ли на Вкра́инѣ вдо́винаго сы́на:
Ой то́жъ коза́къ уродли́вый, дохо́дить арши́на.
Ой зачу́е-жъ стара́ не́нька, Ивасёва ма́ти:
„Ой де́-жъ тебе́, мо́й сыноньку, я ма́ю схова́ти!“
— На що́-жъ мене́, мату́сенько, ты ма́ешъ хова́ти,
Бу́ду тобѣ́ изъ столи́цѣ черво́нныи сла́ти! —
„На що́-жъ менѣ, мо́й сыноньку, черво́нныи твои́?
Що не́кому похова́ти голо́воньки менѣ́!“
— Похова́ють, моя́ не́не, тебе́ до́бри лю́ди,
Ой якъ мене́ молодо́го до те́бе не бу́де. —
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко коня́ напова́е;
Его́ не́нька старе́сенька въ во́кно́ поглида́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко ко́ника сѣдла́е;
Его́ не́нька старе́сенька сильне́нько рыда́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко на коня́ сѣда́е;
Его́ не́нька старе́сенька кры́жемъ упада́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко зъ двора́ выѣзжа́е;
Его́ не́нька старе́сенька за спреме́нъ хапа́е. . .
Ой въ го́родѣ въ Оча́ковѣ вда́рили изъ лу́ка:
Да вже́-жъ тобѣ́, вдо́винъ сы́ну, зъ ма́тѣрью розлу́ка.
У го́родѣ въ Оча́ковѣ вда́рили зъ гарма́ты:
Уже́-жъ тобѣ́, вдо́винъ сы́ну, ма́ики не вида́ти!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Чепѣги*, а свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникѣ 15-го Августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу, говоренную Потемкину Запорозцями на Велйкъдень* (Христо́съ воскре́съ, радъ ми́ръ уве́сь. . . .); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ отцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой го́дѣ намъ журйтися, пора́ переспа́ти:
Дожда́лися одъ Царйцй за слу́жбу запла́ты!

Дала́ хлѣбъ-со́ль и гра́моты за вѣрныи слу́жбы;
Онъ-тепе́ръ мы, ми́лй бра́тця! забу́демъ всѣ ну́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Ту́тъ-то мы бу́демо жи́ти и ры́бу лови́ти,
И вра́жого да Черке́са по кру́чамъ гони́ти.

Въ Тама́нѣ жи́ть, вѣ́рне служи́ть, грани́цю держа́ти,
Ры́бу лови́ть, горѣ́лку пи́ть, ще й бу́демъ бага́ті.

Да вже тре́ба жени́тися и хлѣ́ба роби́ти;
А хто прі́йде изъ невѣ́рныхъ, по якъ чо́рта би́ти.

Сла́ва Бо́гу и Царі́цѣ, а поко́й Гетьма́ну!
Залѣчи́ли въ сердця́хъ на́шихъ вели́кую ра́ну.

Благодаре́мъ мы Царі́цю, моле́мося Бо́гу,
Що Вона́ намъ указа́ла на Тама́нь доро́гу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ БЫТОВЫЯ.

Ой хворшу́но, хвортуни́но! послужи́ менѣ́ ще тро̂шки:
Служи́ла въ коза́цтвѣ, служи́ла въ бурлацтвѣ, послужи́ въ чума́цтвѣ!

Украин. пѣсня.

Пѣсни сего отдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ, бурлацкомъ, чумацкомъ* и *гайдамацкомъ*.

Н. — **бурлачствомъ** называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ **бурлаковати**, (на-заробôтки). Слово бурла́ка значитъ еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдама́къ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово **гайдама́ка** принимается въ смыслѣ разбойника (розби̂ша́ка), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — **чумаками** называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь **чумакова́ти**, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ встарину употребительнаго слова: *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. **Чумачство** издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Ме́рджѣ на ла́воньцѣ сиди́ть *Чумга́ Тарабу́лъ*:
Въ ёго лю́лька паху́лька, а тютю́нъ пороху́нъ."

Въ Полт. Губ. есть село *Чумга́къ*. не село, а рѣка

в Губ. у.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на проганя́е:
По̂ди́, сы́ну, гепь одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Ту́рки во̂зьмуть!
Мене́, не́не, Ту́рки зна́ють —
Мене́ ко̂ньми надѣля́ють!

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на проганя́е:
Поди́ сы́ну, гепь одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Орда́ во̂зьме!
Мене́, не́не, Орда́ зна́е —
Сре̂бло́мъ, зло́томъ надѣля́е!

Ста́рша сестра́ коня́ веде́,
А по̂дста́рша збро́ю несе́,
А ме́ньшая выпы́туе:
Коли́, бра́те, зъ во̂йська прiйдешъ?

Во̂зьми́, се́стро, пе̂ску́ жме́ню, (159)
Посе̂й его́ на каме́ню,
Ходи́ къ ему́ зо̂ро́ньками,
Полива́й его́ сле̂зо́ньками:

(159) Жме́ня — горсть.

Коли́, се́стро, пêсо́къ зôйде —
Тогдî бра́тъ твôй зъ вôйська прі́йде!
Го́мôнъ, го́мôнъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на призыва́е:
Верни́сь, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́ю тобѣ́ голо́воньку!
Мене́, не́не, змы́ють до́жчî,
А розче́шуть густî те́рны,
А вы́сушуть бу́йнî вѣ́тры! . . .

2.

По-надъ мо́ремъ, Дуна́емъ
Вѣ́теръ я́воръ хита́е, (160)
Ма́ти сы́на пыта́е:
— Ой сы́ну мôй Ива́не,
Дитя́ мое́ коха́не! (161)
Чи менѣ́ тебе́ ожени́ть,
А чи въ вôйсько уряди́ть? —
Якъ я́ тебе́ колыха́ла,
Усю́ нôченьку не спа́ла;
Якъ я́ тебе́ зрости́ла,
Сама́ себе́ звесели́ла;
Якъ я́ тебе́ оженю́
Всю ро́ди́ну звеселю́;
Якъ я́ тебе́ въ вôйсько ŏдда́мъ,
Собѣ́ жа́лю я зада́мъ! —
„Не жури́ся, моя́ ма́ти,

(160) Хита́ти — качать. (161) Коха́ный — возлюбленый, милый.

Вже сёго́ не минова́ли!
Испра́въ менѣ́ три трубы́,
Да усѣ́ три мѣдяны́,
А четве́ртую трубу́
Испра́въ менѣ́ золоту́.
Въ пе́ршу трубу́ я зигра́ю,
Якъ ко́ника осѣдла́ю;
А въ другу́ю я зигра́ю,
Яхъ на ко́ника сѣда́ю;
А въ тре́тюю я́ зигра́ю,
Зъ пивого́ двора́ ѣдучи́;
А въ четве́рту запрублю́
Сере́дъ во́йська спюючи́
И ша́бельку держучи́.

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое:

Ой у по́лѣ да де́рево
Зеле́не, кудря́ве,
По́дъ ты́мъ де́ревомъ
Сиди́ть ма́ти зъ сы́номъ
Вѣ́черъ де́рево хита́е и проч...

Въ другомъ конецъ такой:

Якъ зачу́ла те́е ма́ти
Спа́ла пла́кати, рыда́ти:
„Ой сыне мо́й Ива́не,
„Дитя́ мое́ коха́не!
„Ой коли́-бъ же я зузу́ля,
„Я-бъ до те́бе полину́ла! (162)

(162) Поли́ну́ти — полетѣть.

3.

Засвиста́ли коза́ченьки въ похо́дъ зъ-полуно́чи̂;
Запла́кала Мару́сенька свои́ я́сни̂ очи̂. —

Не пла́чь, не пла́чъ, Мару́сенько! не пла́чъ, не журися:
За своёго́ миле́нького Бо́гу помоли́ся! —

Стои́ть мѣ́сяць надъ горо́ю да со́нця нема́е;
Ма́ти сы́на въ доро́женьку слêзно проважа́е.

„Проща́й, ми́лый мôй сы́ночку, да не забавля́йся! (163)
Чере́зъ чоты́ри̂ недѣ́лоньки до-до́му верта́йся.“

— Ой ра́дъ бы я, мату́сенько, скорѣ́йше верну́ться;
Да вже́ що-сь мôй воро́ненькій въ ворôтяхъ
зпôткну́вся.

Ой Богъ зна́е коли́ верну́сь, въ яку́ю годи́ну:
Прійми́-жъ мою́ Мару́сеньку, якъ рôдну дити́ну.

Прійми́ êи́, мату́сенько — всѣ въ Бо́жіêй во́лѣ!
Бо хто зна́е: чи жи́въ верну́сь, чи ля́жу на по́лѣ?“

„Ой ра́да я Мару́сеньку за рôдну приня́ти;
Да все́ не та́къ вона́ мене́ бу́де шанова́ти.“

— Ой не пла́чте, не журѣ́тесь, въ ту́гу не вдава́йтесь:
Загра́въ мôй кôнь воро́ненькій, наза́дъ сподѣва́йтесь!

(163) Ба́витися — мѣшкать.

4.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ *Семеномъ Климовскимъ*, жившимъ около 1724 г.

Ѣха́въ Коза́къ за Дуна́й,
Сказа́въ: дѣ́вчино, проща́й!
Ты, ко́нику воро́ненькій,
Неси́ да гуля́й!

„Постой, постой, коза́че!
Твоя́ дѣ́вчина пла́че;
Съ кѣ́мъ ты мене́ покида́ешъ —
Только подума́й!“

Бѣ́лыхъ ру́чокъ не лама́й,
Ясныхъ о́чокъ не зтира́й,
Мене́ зъ войны́ изъ сла́вою
Къ собѣ́ дожида́й.

„Не хо́чу я ничего́,
Только тебе́ одного́;
Ты будь здоро́въ, мой миле́ньній —
А все́ пропада́й!“

Свиснувъ Коза́къ на коня́:
Зоставайся, молода́!
Я прі́ду, якъ не згину,
Чере́зъ три года́ . . .

Тебе́-жъ, ми́ла, не забу́ду,
Поки́ живъ на свѣ́тѣ бу́ду;
Коли́-жъ умру́ на войнѣ́,
Попла́чь обо́ мнѣ́! . . .

5.

— Що́ ты, ми́лый, ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́бутъ мене́ поки́нути ма́ешъ!
Ра́но вспае́шъ, коня́ напова́ешъ,
Зеле́ного сѣнця́ по́дклада́ешъ,
Жовте́нького во́вса́ по́дсыпа́ешъ;
Въ се́нечки йде́шъ — съдѣ́лыця пыта́ешъ,
Въ комо́ру йде́шъ — нага́йки шука́ешъ,
Дитя́ пла́че, ты не поколы́шешъ. —
Все на ме́не ва́жкимъ ду́хомъ ды́шешъ,

Ой у поро́га ревну́ла коро́ва, —
„Зоставайся, ми́лая, здоро́ва!“
Ой ревну́ло ще й мале́ теля́тко —
„Зоставайся мале́е дитя́тко!“
Ми́ла зъ ха́пы выбѣга́ла,
Свого́ мило́го за спреме́нъ хапа́ла.
— Ой верни́ся, мо́й ми́лый, верни́ся,
Варе́ной горѣ́лки напи́йся,
И въ голубы́й жупа́нъ приберѝся,
И на ме́не ми́лу подиви́ся! —
„Не верну́ся, ми́ла, не верну́ся!
Я въ доро́зѣ й сыро́и на́пьюся,
И на чужу́ ми́лу подивлю́ся,
До тебе въ недѣ́лю верну́ся,
Въ зеле́ный жупа́нъ приберу́ся.“
— Ой не ѣдь же, мо́й ми́лый, ни́зомъ,
Заки́дана доро́женька хмы́зомъ. — (164)

(164) Хмызъ — хворостъ.

„Ой е́ въ ме́не ко́никъ вороне́нькій,
Перескочить той хмызо́къ дрôбне́нькій.
Ой у по́лѣ вовки́ да лиси́цî,
Ой то́-жъ мои бра́тья да сестри́цî.
Ой у по́лѣ чо́рный во́ронъ кря́че,
То-жъ мою́ вôнъ го́лову ба́че.“

6.

Ой поважа́й стару́ ма́тêрь, хочь вона́ й не рôдна:
Коха́й, коха́й дѣвчи́ноньку, хочъ вона́ и бѣ́дна.
— Не для то́го стара́ ма́ти що-бы́ поважа́ти:
Не для то́го бѣ́дна дѣ́вка, що-бъ êй коха́ти.
Ой поважа́й сестру́ свою́, сироту́-вдови́цю:
Коха́й, коха́й молоди́цю, га́рну соболи́цю.
— Не для то́го се́стры, вдо́вы, що-бъ îхъ поважа́ти:
Не для то́го молоди́цî, що-бы îхъ коха́ти.
Ой поважа́й отця́ свого́, да поважа́й бра́та:
— Не для то́го воны́ живу́ть, що-бъ îхъ поважа́ти.
Ко́ли́ тре́ба поважа́ти, то мы зна́емъ за́-що:
Да й не ма́му, да й не та́та, ни сестру́, ни бра́та.
Ой у ме́не е́ коня́ка, да й га́рный коня́ка:
Ой які́й вôнъ волоцю́га, які́й розбиша́ка!
Ой того́-то я коня́ку поважа́ти бу́ду,
За ёго́ не взя́въ-бы́ срêбла хочъ по́вную груду́.
Ой ще́ на моёму бо́цѣ е́ шабе́лька га́рна,
Спыта́й êê, спыта́й êê, чѣмъ вона́ не па́нна?
Ой па́нночко на́ша, па́нночко шаблю́ко,
Зъ бусурма́номъ зустрѣва́лась (165) да й не двôчи цѣлова́лась.

(165) Встрѣчалась.

7.

Соко́лоньку сы́нку, чини́ мою́ во́лю:
Прода́й коня́ ворonóго, верни́ся до-до́му.

— Соколи́хо ма́ти, коня́ не прода́ти,
Мому́ коню́ ворonóму тре́ба сѣньця́ да́ти.

Соко́лоньку сы́нку, ры́бъ намъ не лови́ти,
Не́чого намъ ѣ́сти — го́лодомъ сиде́ти.

— Соколи́хо ма́ти, пусти́ погуля́ти,
Бу́ду гуля́ть, да гуля́ти, до́леньки шука́ти.

Соко́лоньку сы́нку! хиба́-жъ тепе́рь вре́мя?
— Вре́мя, ма́ти, вре́мя! орлу́ ра́зъ-то вре́мя.

Ой привезу́, ма́мо, тобѣ́ три жупа́ны,
Да всѣ́ тыи три жупа́ны всѣ сре́бломъ потка́нї;

Ой мѣ́жъ тѣ́ми оди́нъ жупа́нъ изъ само́го Ха́на:
Ой проща́й-же, моя́ ма́мо, по́йду́ я до Ха́ма.

8.

„Ой пано́ве-мо́лодцї, во́дко́ль идете́?
Да зъ яко́и спороно́чки, да що́ везете́?“

— Ой, Па́не-Гетьма́не! були́ въ бусурма́на:
Бага́цько въ чортя́ки вся́кого надба́не! —

„А що́-жъ вы, пано́ве, чого́ тамъ чува́ли,
Яко́го вида́ли, яко́го зо́бра́ли?“

— Що́, Па́не-Гетьма́не! по три смухи зъ бара́ка,
Четве́рту маленьку зъ самого́ бусурма́на. —

9.

Ой у лу́зѣ да кали́на весь лу́тъ изкраси́ла:
Породи́ла стара́ ма́ти жовнѣ́ронька сы́на.

„Породи́ла-жъ мене́ ма́ти темнéнькои но́чи,
Дала́ менѣ́ бѣ́ле ли́чко и чо́рныи о́чи.

Було́-бъ менѣ́ бѣленького ли́чка не дава́ти,
Було́-бъ менѣ́, моя́ ма́ти, сча́стье и до́лю да́ти!

Породи́ла мене́ ма́ти въ Святу́ю Недѣ́лю:
Дала́ менѣ́ лиху́ до́лю — де́-жъ ёе́ подѣ́ну?...

Лиху́ до́лю ни прода́ти, а ни промѣня́ти;
Всюды лю́ди ли́хо зна́ють, не хо́пя́ть купова́ти!“

Розрива́йся, сухи́й ду́бе! за́втра моро́зъ бу́де,
А вже́ тобѣ́, гарный хло́пче, за́втра похо́дъ бу́де!

— Я моро́зу не бою́ся, за́втра розвину́ся!
„Я похо́ду не бою́ся, за́разъ выбе́ру́ся!“

Пла́че ми́ла, пла́че чо́рными очи́ма:
— Вече́ронька на столѣ́, а сме́рть за плеча́ма! —

„Кро́пить до́жчикъ доро́женьку да щобъ не курѣ́ла:“
Ой пора́дьте моёи́ ми́лои́ да щобъ не пужи́ла!“

10.

Ой сѣ́въ коза́къ ѣ́сти, иду́ть къ ёму́ вѣ́сти:
Ки́дай, коза́къ, вече́ряти, ча́съ на коня́ сѣ́сти!
Коза́къ покида́е, на коня́ сѣда́е,
Ма́ти ёго́ ро́дне́нькая зъ жа́лю омлѣва́е.

„Не да́й, Бо́же, сме́рти̂, въ чужо̂мъ кра́ю вме́рти:
Нема́ кому́ жалкова́ти, голо́вки звяза́ти!
Во́ронъ прилѐта́е, въ во̂чи̂ загляда́е,
Бѣ́ле тѣ́ло объѣда́е, ко̂стки́ покида́е! . . .“

11.

Ой кря́че, кря́че чорне́нькій во́ронъ
Да на глыбо́ко̂й доли́нѣ;
Ой пла́че, пла́че молоды́й коза́че
По несчастли́во̂й годи́нѣ.
Ой кря́че, кря́че да чорне́нькій во́ронъ,
Да у лу́зѣ надъ водо́ю;
Ой пла́че, пла́че молоды́й коза́че
На ко́нику на вороно́му.
— Вороны́й ко́ню! гра́й ты по̂до мно́ю,
Да розбі́й ты ту́гу мо́ю!
Розбі́й, розбі́й ту́гу по те́мному лу́гу
Козако́ви̂ да молодо́му. —
Ой ѣ́де коза́къ да доро́женькою,
Слѐзо́ньками умыва́ется:
— Де́-сь моя́ не́нька, де́-сь мо́я старе́нька
Да за мно́ю убива́ется!
Да въ недѣ́лоньку ра́но по-ране́ньку,
Да якъ со́нце не зходи́ло,
Да зъѣзжа́лася вся моя́ роди́на,
Вона́ мене́ выпроводи́ла.
Выпровожа́ешъ, моя́ роди́нонько!
Да чи не жа́ль тобѣ́ бу́де,
Якъ я поѣ́ду на ту́ Украи́ну,
Да мѐжъ чужі́и лю́ди?

Ой згада́й мене́, моя́ спара́ не́не,
Сѣда́ючи да обѣда́ти:
Де-сь моя́ дити́на на чужо́й сторонѣ́,
Да нѣ́кому да одвѣда́ти!
Ой згада́й мене́, моя́ спара́ не́не,
Якъ ся́дешъ у ве́черѣ ѣ́сти:
Де-сь моя́ дити́на на чужо́й сторонѣ́,
Да нема́е одъ не́и ве́сти.

12.

Стои́ть я́воръ надъ водо́ю, въ во́ду похили́вся;
На коза́ка приго́донька (166), коза́къ зажури́вся.

Не хили́ся, яворо́ньку, що́ ты зелене́ньки́й!
Не жури́ся, коза́ченьку, що́ ты молоде́ньки́й!

Не ра́дъ я́воръ хили́тися — вода́ корни́ мы́е;
Не ра́дъ Коза́къ жури́тися, да се́рденько ны́е!

Ой пое́хавъ въ Моско́вщину коза́къ молоде́ньки́й —
Оре́хове сѣде́лечко и ко́нь ворене́ньки́й.

Ой пое́хавъ въ Моско́вщину да та́мъ и заги́нувъ,

Каза́въ собѣ́: насы́пали высо́ку моги́лу,
Каза́въ собѣ́: посади́ли въ голо́вкахъ кали́ну!

Бу́дуть пта́шки прилѣта́ти кали́ноньку ѣ́сти,
Бу́дуть мене́ приноси́ти одъ ро́доньку ве́сти!...

(166) Невзгодье, бѣда.

13.

Го́ре менѣ́ на чужинѣ́,
Що́ не вку́пѣ брапы́ мои́:
Оди́нъ въ Се́чѣ Отама́номъ,
Дру́гій въ стену́ зъ Вата́жкою,
Тре́тій До́йно Дойни́ченько . . .
По-на́дъ Днѣстро́мъ До́йно хо́дитъ,
Де́вятеро ко́ней во́дитъ,
На деся́тѣмъ поѣзжа́е,
Днѣстра́ бра́томъ называ́е.
„Днѣ́стре бра́те, побрата́ймось!
Скажи́ рѣ́чцѣ Савра́нськѣ́й (168)
И прикмѣ́тѣ (168) коза́цькѣ́й.“
Въ-го́ру, До́йно Дойни́ченько!
Тамъ рѣ́ченька Савра́нськая
И прикмѣ́та коза́цькая . . .

Сиди́тъ коза́къ на моги́лѣ,
Зъ ору́жины ого́нь кре́ше,
Ска́лки ло́митъ, розклада́е,
Въ свои́ ра́ны загляда́е:
Постре́лены — къ се́рдцю прійшли́,
Поруба́ны — кро́вью зо́йшли. —
Заклада́вся оре́лъ зъ коне́мъ,
А за тыи крини́ченьки:

(167) *Савранка* впадаетъ въ Бугъ. (168) *Прикмѣта* — смышленость, удальство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
Менѣ крильця повпинаешъ!“
— Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
Мѣнѣ ноги повпинаешъ. —
Ой конь бѣжитъ, земля дрожитъ;
Орелъ летитъ, перо дзвенитъ;
Ой конь бѣжитъ все ярами,
Орелъ летитъ все лугами.
Конь до воды прибѣгае,
Орла брама выглядае:
Орелъ летитъ и не смѣе
Коня брама не познае;
Дарую, коню, крылечками,
А хто ходитъ ножечками!

14.

„Водколь ѣдешъ?“ — Одъ Дуная! —
„А що чувавъ про Михайлу?“
— Эге! чуцавъ! я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
Козаченьки на чотыри,
А Татаре поле крыли.
А въ томъ войську козацькому
Ѣхавъ возокъ да й покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою козацькою.
А въ томъ возку було шѣло,
Порубане, почорнѣло;
За тѣмъ возкомъ конь лыцарський;
Веде коня хлопъ козацькій,
Держитъ списъ въ руцѣ довгенькій,
А у другой мечъ яснѣнькій.

Ой ще́ зъ меча́ и кро́въ тече́!
По Миха́йлѣ ма́ти плаче́ . . .
Не ду́же во́нъ пору́баный:
Голо́вонька на три ча́стй,
Бѣ́ле тѣ́ло на чоты́рй!
На́-що, ма́ти, спра́ву дба́ти (169)!
Тре́ба досчо́къ добува́ти,
Хоро́мину будова́ти!
Дай три до́ски клено́выи,
А четве́рту сосно́вую:
Безъ дверъ ха́та, безъ во́ко́нець,
Бо вже́ прійшо́въ ёму́ ко́нець!

Въ другихъ варіянтахъ находятся слѣдующіе стихи:

А въ по́мъ во́зку́ коза́къ лежи́ть
Постре́ляный, пору́баный,
На три ча́стй роздѣ́леный;
Въ правой руцѣ́ ша́блю держи́ть,
А зъ той ша́блй кро́вця бѣжи́ть —
Бѣжи́ть рѣ́чка крова́вая,
Надъ рѣ́чкою я́воръ стои́ть,
Надъ я́воромъ во́ронъ кря́че,
За коза́ко́мъ ма́ти пла́че,
Вона́ пла́че и рыда́е,
Свого́ сы́на не по́зна́е.

(169) Ястьы готовить.

Сиди́ть во́ронъ надъ скало́ю
Похиту́е голово́ю:
— Ой я́ твого́ сы́на зна́ю,
Три́чи на́ день по́пасъ ма́ю,
Зо̂ лба́ о́чи выбира́ю.
Иди́, стара́, до-до́мочку,
Во̂зьми́ пе̂ску́ въ пра́ву ру́чку,
Посѣ́й ёго́ въ горо́дочку,
Якъ то́й пе̂со́къ въ-го́ру зо̂йде,
Тогди̂ сы́нъ до те́бе прі́йде!

15.

Вѣ́теръ гуде́, трава́ шуми́ть,
Коза́къ бѣ́дный уби́тъ лежи́ть
На купи́нѣ голово́ю,
Накры́въ о́чи осоко́ю.
Ко̂нь вороны́й у но̂женькахъ,
Оре́лъ си́зый въ голо́вонькахъ;
Во̂нъ козака́ доглядае,
На ку́чери̂ наступа́е . . .
Во̂нъ до ёго промовля́е:
„Си́зый о́рле, побрата́ймось!
Якъ ты́, бра́те о́рле, ста́нешъ
Зъ ло́бу о́чи̂ выдира́ти,
Да́й же мое̂й не́ньцѣ зна́ти,
Мое̂й не́ньцѣ старе́сенько̂й,
Мату́сеньцѣ ро̂дне́сенько̂й.
Ой зна́й, о́рле, що́ каза́ти,
Якъ у те́бе моя́ ма́ти
Бу́де про ме́не пыта́ти!

Скажи́: слу́жить вонъ у Ха́на,
Въ па́на Ха́на Тата́рина,
У Крымського Добро́дѣя;
Да выслуживъ королёвоньку,
Въ чистомъ по́лѣ моги́лоньку. . .“

16.

Ой ко́нь бѣжи́ть, трава́ шуми́ть:
Да вже́жъ коза́къ уби́тъ лежи́ть,
На купи́нѣ голово́ю,
Прикры́въ но́ги осоко́ю,
Жо́вте пе́ло рокипо́ю,
Бѣлѣ ру́ки хустино́ю,
Ясне ли́чко кипайко́ю. . .
Въ голо́вонькахъ во́ронъ кря́че,
А въ но́женькахъ ко́никъ пла́че;
Копы́томъ зе́млю выбива́е,
Свого́ па́на вонъ пыта́е:
— Ой па́не-жъ мо́й, па́не,
Па́не копипа́не!
Ой кому́ мене́ вруча́ешъ,
Кому́ коня́ покида́ешъ?
Чи Ту́рчину, чи Та́тарину? . . .
„Тебе́, ко́ню, Ту́рчинъ не по́йма́е,
А Тата́ринъ не о́сѣдла́е.
Ой бѣжи́, ко́нко, тёмными луга́ми,
Бѣжи́, ко́ню, би́тыми шляха́ми;
Да прибѣжи́, ко́ню, до дво́ру,

Та вдарь копы́томъ въ боло́ну!
А вы́йде до те́бе не́нька старе́нька,
Коза́цькая матусе́нька;
Вона́ бу́де тебе́ за по́воды бра́ти,
Бу́де тобѣ́ сѣ́на по̂дклада́ти,
Во̂вса́ бу́де тобѣ́ по̂дсыпа́ти,
Холо́дною води́цёю напова́ти,
И скро̂зь слёзы про ме́не пыта́ти.
Да не кажи́, ко́ню, що я уби́вся,
А скажи́, ко́ню, що́ я ожени́вся,
Да поня́въ себѣ́ паня́ночку,
Въ чи́сто̂мъ по́лѣ земля́ночку —
Що куды́ вѣ́теръ не вѣ́е,
Ни со́нечко вже́ не грѣ́е. . .
Безъ во̂ко́нець и безъ двере́ць —
Тамъ спи́ть коза́къ-молоде́ць. . .“

17.

Ой у по̂лѣ снѣжо́къ по̆роши́ть
Ажъ та́мъ коза́къ заби́тъ лежи́ть,
На купи́нѣ голово́ю,
Накры́въ о́чи̂ мураво́ю,
Мураво́ю зелено́ю,
Червоно́ю китайко́ю.
Въ голо́вонькахъ во́ронъ кря́че,
А въ но̂женькахъ ко́никъ пла́че:
— Або́ мене́, па́не, пуска́й,
Або́ менѣ́ запла́ту да̀й! —
„Зо̂рви́, ко́ню, шовко́вый по́водъ,
Бѣжи́, ко́ню, доро́гою,
Зеле́ною дубро́вою;

Вы́ѣжъ травы́ двѣ коса́рî,
Вы́пій воды́ два озе́рî,
Пôдбѣжи́, ко́ню, пôдъ ворôта,
А вда́рь ко́ню у копы́та!
А вы́йде до те́бе не́нька старе́нька,
Коза́цькая матусе́нька —
Ой зна́й, ко́ню, що́ каза́ти,
Якъ бу́де у те́бе пыта́ти:
Ой ко́ню мôй вороне́нькій,
А де́ твôй па́нъ молоде́нькій?
Чи ты́ ёго́ въ вôйську згуби́въ,
Чи ты́ ёго́ пôдъ се́бе зби́въ? —
А ни я́ ёго́ въ вôйську згуби́въ,
А ни я ёго́ пôдъ се́бе зби́въ:
Заслужи́въ вôнъ паня́ночку,
Въ чи́стôмъ по́лѣ земляно́чку! . .“

18.

(Га́лицкая)

Чо́рна рôля́ (170) зао́рана — *гей, гей* —
Чо́рна рôля́ зао́рана
И ку́лями (171) засѣ́яна,
Бѣ́лымъ тѣ́ломъ зволо́чена, — *гей, гей* —
И крово́ю споло́щена.

Лежи́ть воя́къ на купинѣ́ — *гей, гей* —
Лежи́ть воя́къ на купинѣ́,
Накры́въ о́чî китайко́ю.

(170) Рôля́ — пашня. (171) Ку́ля — пуля.

Китáйкою червоно́ю — *гей, гей* —
Накры́въ о́чи китáйко́ю.

А нѝ труны́ (172), а нѝ я́мы — *гей, гей* —
А нѝ труны́, а нѝ я́мы,
А нѝ вóпця́, а нѝ ма́мы.
А нѣ́кому задзвони́ти — *гей, гей* —
А нѣ́кому запужи́ти!

Дзво́нять ко́нѝ копыта́ми — *гей, гей* —
Дзво́нять ко́нѝ копыта́ми,
А волки́ острога́ми.
Дзво́нять конѝ копыта́ми — *гей, гей* —
А волки́ острога́ми.

Лети́ть во́ронъ зъ чужи́хъ сто́ронъ — *гей, гей* —
Лети́ть во́ронъ зъ чужи́хъ сто́ронъ,
На могúлѣ усѣда́е,
Очѝ ёму́ выпива́е — *гей, гей* —
Очѝ ёму́ выпива́е.

Хо́дить ма́ти гука́ючи — *гей, гей* —
Хо́дить ма́ти гука́ючи,
Сы́на свого́ шука́ючи.
— Ой я́ твого́ сы́на зна́ю — *гей, гей* —
Бо я́ зъ ёго по́пасъ (173) ма́ю!

„Скажи́ менѣ́, во́ронъ ми́лый — *гей, гей* —
Скажи́ менѣ́, во́ронъ ми́лый:
Чи мо́й сыно́къ ще́ бѣ́лый,
Чи ще́ о́ченьки ясне́ньки — *гей, гей* —
Да чи уста́ румяне́ньки? . . .“

(172) Труна́ — гробъ (173) Паству.

— Вжé ёго́ успа́ синéнькій — *гей, гей* –
Вжé ёго́ успа́ синéнькій,
Его́ ли́чко вжé чорнéньке,
Я на ли́чку присѣда́ю — *гей, гей* —
Очі́ ёму́ вышива́ю!...

19.

По-за са́домъ зеленéнькимъ доро́жка лежа́ла:
Молода́я шуды́ пані́ нéкрупъ выряжа́ла,
Выряжа́ла на воронóмъ кони́ченьку.
— Вы́йди, вы́йди, сéрдце моé, дѣвчи́нонько! —
Ой не вы́йшла дѣвчи́нонька, вы́йшла спара́ ма́ши;
Взяла́ коня́ за по́воды, да й спа́ла пыта́ши:
„Ой сы́ну-жъ мо́й, соко́лоньку, дéжъ тебé шука́ши?“
— Шука́й въ спену́, кра́й доро́ги, моя́ ро́дна ма́ши!
Тамъ я бу́ду, моя́ ма́ши, го́ремъ горева́ши —
Своймъ чу́бомъ кучеря́вымъ спены́ успила́ши,
А своéю крови́цею мо́ря доповня́ши,
А щé своймъ бѣлымъ пѣ́ломъ орлы́ годова́ши.....
„Бо-да́й же вы, воро́женьки, всѣ́ ра́зомъ пропа́ли,
Якъ вы ту́ю бѣ́ду зна́ли, менé не сказа́ли;
А шодí вже вы сказа́ли, якъ сы́на по́има́ли!
А по́има́ли мого́ сы́на, да ру́ки звяза́ли,
Повяза́вши бѣ́лі ру́ки, везу́пъ до Прилу́ки,
„А зъ Прилу́ки до Полтавы, до вѣ́чной прися́ги:
Прися́гъ Царю́, прися́гъ Бо́гу, одрéкся одъ ро́ду,
Проща́й, сы́ну, мо́й го́лубе, не ду́май до до́му!

20.

До вдо́виного двора́
Лежа́ть доро́жка нова́,
А въ то̂мъ дворѣ́ столы́ теса́ни̂,
По-мêжъ тѣ́ми стола́ми
Сидя́ть паны́ ряда́ми,
Пи́шуть ли́сты пêра́ми,
Пи́шуть, пи́шуть и рядя́ть
Кого́ въ некру́ты одда́ть.

— Де пя́ть — тамъ не бра́ть;
Де чоты́ри̂ — тамъ веля́ть;
Де три́ — тамъ не ты́;
Де два́ — тамъ нê-льга́.

У вдови́ны оди́нъ сы́нъ,
И то́й по̂шо́въ по̂дъ арши́нъ;
По̂дъ арши́номъ не до̂йшо́въ
И запла́кавши по̂шо́въ.

Паны́ ёго́ пожалѣ́ли
И купи́ли ко́ника,
И ко́ника й шабельку́,
По̂шо́въ хло́пець до повку́.

Иде́ ма́ти, рыда́е,
Всю старши́ну збі̂ра́е.
„Ой старши́на моя́ ми́ла,
Выпуска́йте мого́ сы́на.“

Обо̂зва́вся одине́ць,
Уродли́вый молоде́ць:

— Не пла́чъ, ма́ти, не рыда́й,
Ка́рыхъ о́чей не зтира́й,
Ой тогди̂ ты запла́чешъ,
Якъ на му́штрѣ заба́чишъ.

А чій-же то ланы́
Позасѣва́ли паны́?
А то того́ одинця́,
Вродли́вого молодця́.
А вы́йдемо на той ла́нъ,
А вда́рѣмо въ бараба́нъ.
Отъ: ма́тери̂ на жа́лость,
А старши́нѣ на ра́дость.
По̂шла ма́ти плачучи́,
А старши́нѣ радощи̂.

21.

Ой кри́кнули орлы́, зъ-за мо́ря летю́чи:
Запла́кали бурла́ченьки въ нево́лѣ сидю́чи.

— Дава́й, Со́тській, по́шту, коня́ вороно́го,
Да повезе́мъ до пріёму хло́пця молодо́го! —

Взяли́ да й помча́ли те́мными луга́ми;
А за ни́ми оте́ць, ма́ти, би́тими шляха́ми.

А де́ на́-но̂чъ ста́нуть, свѣ́тло задува́ють,
Що ро̂дного отця́ й не́ньки да не допуска́ють.

„Не пла́чъ, моя́ ма́ти, не пла́чъ, не жури́ся:
„Ще́ я молоде́нькій коза́къ, выслужу́ся!“

22.

Ой зачу́ла-жъ моя́ до́ля,
Що не бу́ти менѣ́ до́ма,
Бу́ти-жъ менѣ́ у невóлѣ,
У некру́цькому набóрѣ! —
Скóро коза́къ догада́вся,
До дѣвчи́ны захова́вся:
— Ой дѣвчи́но, моє́ се́рдце,
Зхова́й менé пóдъ ряде́ньце! —
Скóро лю́ди доглядѣ́ли,
Кругóмъ ха́ту обступи́ли,
Въ дѣ́вки две́ри розломи́ли
И козака́ уловѝли;
Бы́стрѣ нóженьки зкова́ли,
Бѣ́лѣ ру́ченьки звяза́ли,
Посади́ли у вóзóчокъ,
Сами́ сѣ́ли въ передóчокъ,
Да й повезли́ въ городóчокъ.
Са́ми ко́ней поганя́ють,
Да й на хло́пця погляда́ють —
Щобъ и ко́ней не впоми́нив,
Щобъ и хло́пця не впусти́ли.
На ко́никахъ пѣ́на па́ла,
Неда́леко вже Полта́ва.
Пріѣ́хали до Полта́вы,
Одда́пчики повспава́ли,
Быстрѣ́ нóжки розкова́ли,
Бѣ́лѣ ру́чки розвяза́ли,
Да повели́ у свѣ́тли́цю,
Посади́ли на скамѝйцю,

Чо́рнї кудрї̂ по̂дголи́ли
Да й муни́цю начёни́ли,
По база́ру поводи́ли,
Ме́домъ-вино́мъ напои́ли.
„Лу́чче-бъ менѣ̂ воло̂въ па́сти,
Нёжъ тепе́ра зъ коня́ впа́сти!
Лу́чче-бъ менѣ̂ погони́ти,
Нёжъ зъ пана́ми говори́ти!
Лу́ччебъ менѣ̂ зъ грабе́льками,
Нёжъ тепе́ра зъ шабе́льками.“

23.

Ой ду́бъ на бере́зу го̂льемъ похили́вся,
Сы́нъ своёй ма́терї до но̂гъ уклони́вся:
„Ой стара́ не́не, чо́мъ не жо́нишь ме́не?“
— На що́-жъ тебе́, сыну, молоды́мъ жени́ти?
Хиба́ тобѣ̂, сы́ну, не́ зъ кѣмъ говори́ти?
Куплю́ тобѣ̂, сы́ну, коня́ ворано́го,
Коня́ ворано́го, говори́ до ёго. —
„Но подо́ба, ма́ти, зъ коне́мъ розмовля́ти:
Ой ча́съ и годи́на дѣвчи́ны шука́ти.
Ой ко́нюжъ мо̂й, ко́ню, ко́ню ворене́нькій!
Ой чого́ ты стои́шъ на стане́ смутне́нькій?“
— Того́ я смутне́нькій, що ты молоде́нькій,
Що ты́ ра́но вста́ешъ, мене́ напова́ешъ,
Мене́ напова́ешъ, во̂зьме́шъ осѣдла́ешъ,
Куды́ погада́ешъ, туды́ й поганя́ешъ,
Ни̂где́ того́ ши́нку не мина́ешъ,
Мене́ ворано́го къ стовбу́ припина́ешъ.
Я сыру́ю зе́млю по поясъ вы́бью,

До́ки тебе́, Па́не, зъ того́ ши́нку вы́зву.
Ой да́й менѣ́ сѣ́на по са́мî колѣ́на,
Дай менѣ́ воды́ по са́мî поводы́,
Ой да́й менѣ́ мо́чî по ка́рыи о́чî —
Тогдî гуля́й, Па́не, хоча́ до пôвно́чи!

24.

Ой га́лочки чорне́нькіи круту́ го́ру вкры́ли;
Молоды́и коза́ченьки жа́лю наробили.

Ой га́лочки чорне́нькіи, пôдôйма́йтесь въ го́ру!
Молоды́и коза́ченьки, верта́йтесь до-до́му!

— Ой ра́дî мы пôдня́тися — тума́нъ наляга́е.
— Ой ра́дî мы верта́тися — да Па́нъ не пуска́е.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Берди́човѣ, славнôмъ мѣ́стѣ,
Звербова́ли хло́пцôвъ двѣ́стѣ.
А чѣ́мъ-же îхъ вербова́ли?
Зло́тыхъ гро́шей дарова́ли.

Въ Берди́човѣ, сла́внôмъ мѣ́стѣ,
Звербова́ли хло́пцôвъ двѣ́стѣ;
И ко́нюхи, и писа́рî
Увъ ула́ны пристава́ли.

Приста́нь, Юрку, до вербу́нку,
Бу́дешъ ѣ́сти зъ ма́сломъ ку́рку,
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешь пи́ти,
Бу́дешъ якъ пано́къ ходи́ти.

Забу́дь та́та, забу́дь ма́му,
А са́мъ присти́нь увъ ула́ны!
Тепе́рь ма́ешъ горёва́ти,
Лу́чше въ во́йську панова́ти.

А въ ула́нахъ даю́ть гро́шѝ,
Бу́дешъ бага́тый, хоро́шій;
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешъ пи́ти
И хороше́ въ чѣ́мъ ходи́ти.

И хороше́ въ чѣ́мъ ходи́ти —
Довбе́шками во́ши би́ти.
И остроги́ побѣля́нѝ,
И чо́боты ваксова́нѝ.

Ки́пель бѣ́лый, ки́веръ чо́рный,
Хло́пець га́рный и мото́рный,
И чикчи́ры гаппова́нѝ,
Самы́ паны́ прибира́нѝ.

А зво́дко́ль вы? — Могиля́не.
А чія́ ты? — Ковалёва.
Ой я дѣ́вка мѣ́жъ дѣ́вками,
Черевѝчки съ по́дко́вками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гéй-же! — Да журбá менé скрушúла,
Да журбá менé эсушúла, — *да гéй!*
Гéй-же! — за чужúми волáми ходючúй,
Да чужíи возы́ мажучúй, — *да гéй!*
Да нýте, волы́, помáлу,
Да выпягáйте изъ я́ру. —
Ой крúкнули журавлúй,
Да хóдючи по ролé:
Да лýчче рóля́ ранняя́,
А нéжъ тáя пóзняя;
Щó на рáннéй женцú жнýпь,
А на пóзнéй скошóмъ бью́нь. —
Ой крúкнули молодцú,
Да сúдючи въ корчомцé:
Да лýчче жóнка першáя,
А нéжъ тáя другáя;
Да щó зъ пéршою дѣтéй мáвъ,
А зъ другóю розбгнáвъ.
Да идéшь дéпши служúши,
Чóмъ мáчусѣ годúши! —
Да одúнъ пóшóвъ до попá,
Дрýгій пóшóвъ до жúда,
Трéтій пóшóвъ до пáна —
Щобъ мáчуха пропáла!
Хóдитъ бáтько по валý,
Клúче дѣтéй до-домý:

Да идѣть дѣти до-дóму,
Не бýде вамъ розгóну!
— Живи́, ма́тку, якъ Бо́гъ да́въ,
Коли́ ты на́съ розо́гна́въ!
Мы бýдемо служи́ти,
За ма́нѣрыо шужи́ти!

27.

„Щу́ка ры́ба въ мо́рѣ гуля́е до-во́ли̂,
А я́ коза́къ на чужи́нѣ да не ма́ю до́ли̂.

Вы́йду за воро́па, надѣвши сѣмря́гу,
Ой хто́-жъ мене́ да приго́рне бѣ́дного непря́гу!

Осѣдла́ю коня́ да пое́ду въ по́ле,
Проща́й, проща́й матусе́нько, моя́ ро̂дна не́нько!“

— Ой ты́ си́зый о́рле, высо́ко лѣпа́ешъ,
Ой чи ча́сто мого́ сы́на у во̂чи̂ вида́ешъ?

„Сы́нъ твой, ма́ти, въ по́лѣ, въ по́лѣ спочива́е,
Надъ ни́мъ сиди́ть си́зый со́ко̂лъ, въ голо́воньку
ськае.“

Да вда́рилась ма́ти объ по́лы рука́ми:
— Тепе́ръ-же я, мои́ дѣ́ти, прона́ла изъ ва́ми. —

„Сама́ себе́, ма́ти, сама́ провини́ла,
Що на́съ таки́хъ покоха́ла да й не пожени́ла.“

— Сыны́-жъ мои́ лю́бы̂, сыны́ вы мале́нькы̂,
Тымъ-же я ва́съ не жени́ла, що вы́ молоде́нькы̂!

28.

— Въ недѣлоньку ра́но розйгра́лося мо́ре:
Не одному́ сы́ну на чужи́нѣ го́ре!

Вы́йду за воро́пка, ста́ну якъ сиро́пка.
Нихто́ мене́ не займа́е! я бѣдный сиро́пка! . . .

Да летйть оре́лъ си́зый, оре́лъ сизокры́лый:
„Чого́ спойшъ-ту́жишъ, мо́й сы́ну еди́ный!“

— Да пора́дь менѣ, о́рле! що́ ма́ю роби́ти:
Да поме́ръ отѣць, ма́ти, вся моя́ роди́на. —

„Да и ты́ не зна́ешъ, да и я́ не зна́ю,
Покида́й сей кра́й, де ро́ду не ма́ешъ;

Да йди́ на Вкраи́ну, тамъ зна́йдешъ роди́ну,
Тамъ зна́йдешь роди́ну, лю́бую дѣвчи́ну.“

29.

Журба́ мене́ су́шить, журба́ мене́ ва́лить,
Журба́-жъ мене́, ма́ти, ско́ро изъ но́гъ зва́лить!

А я́-жъ то́й журьбѣ́ да й не по́ддаю́ся —
По́йду́ до шинка́рки, горѣ́лки напью́ся.

Горѣ́лочка пьяна, су́ча журба́ вприма;
Горѣ́лочка су́мна, су́ча журба́ у́мна.

Чому́-сь менѣ́, бра́тце, горѣ́лка не пьѣ́тся,
Би́ля мого́ се́рденька якъ га́дина вьѣ́тся.

Ко́ло се́рдця, бра́тце, ко́ло се́рдця мо́го,
А коли́ не вѣ́ришъ, неха́й биля́ иво́го!

Були́ въ мене́ лу́ги, спа́ли жи́то жа́ти;
Бувъ въ мене́ опѣ́ць и ро́дная ма́ти,
А тепе́ръ нѣкому пора́доньки да́ти!

Були́ въ мене́ лу́ги, высо́кіи во́льхи,
Були́ въ мене́ дя́дьки́ и ро́дныи тѣ́тки,
А тепе́ръ пора́доньки не ма́ю ни зво́дко́ль!

Да були́ въ мене́ лу́ги, були́ и коні́ці̀ —
А тепе́ръ нѣ́кому пода́ть и води́ці̀.

Не да́й Бо́же сме́рти — на чужи́нѣ вме́рти:
Ой нѣ́кому доглянýти тамъ мое́и сме́рти.

30.

Ой не шуми́, лу́же, дубро́вою ду́же,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ кра́ю,

Ой я въ чужо́мъ кра́ю якъ на пожари́нѣ,
Нихто́ мене́ не приго́рне при лихо́ї годи́нѣ!

Ой роблю́ я, роблю́, робо́та ни-за́-що,
Лю́ди ка́жуть и гово́рять: сирота́ леда́що!

Сирота́ леда́що, не хо́че роби́ти;
Ой отда́ймо вра́жа сы́на у во́йсько служи́ти!

Сирота́ втоми́вся, на пи́нъ похили́вся —
Лю́ди ка́жуть и гово́рять: во́нъ ма́буть упи́вся!

Ой по́йду́ я, по́йду́ на гору́ кручу́ю,
Ой ста́ну-жъ я, подивлю́ся на рѣ́чку быстру́ю.

Ой рѣ́ченька, быстрі́ненькая! на е́и дивлю́ся,
Таки́ мене́ думки́ взно́сять: по́йду́ утоплю́ся!...

— Не топи́ся, коза́ченьку! ма́рне ду́шу згу́биш:
Тре́ба зъ нею въ сы́нѣ жи́ти, хочъ е́й не лю́бишъ!...

31.

Ой не шуми́, лу́же, ты зеле́ный га́ю,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ кра́ю!
Бо я́ въ чужо́мъ кра́ю ма́рне пропада́ю,
Ой шы́мъ-же я пропада́ю, що ро́ду не ма́ю. . .
Хочъ у ме́не и е́ ро́дъ — дале́ко одъ ме́не;
Ой я чую чере́зъ лю́ди, цура́ються ме́не.
Нехай воны́ цура́ются, да якъ сами́ зна́ють,
Прі́йде ма́я годи́нонька, що й мене́ згада́ють!

32.

Зъ по́ля вѣ́черъ ві́е,
За Лима́номъ завыва́е,
Ту́га-печа́ль налягае́. —
Ой я съ шу́ги, да зъ печа́ли
По́йду́ въ корчму́ погуля́ю.
Шинка́рочка молода́я,
Вона́-жъ мене́ давно́ зна́е,
Горѣ́лочки повѣря́е. —
Шинка́рочко молода́я!
Усы́пъ ме́ду и горѣ́лки,
Тепе́ръ въ ме́не нема́ жо́нки.
Въ ко́го жо́нка́, въ ко́го дѣ́ти,
Тому́ въ По́льщѣ до́бре жи́ти.
А я́ жо́ночки не ма́ю,
Я въ Оде́сѣ пробува́ю. —
А въ Оде́сѣ до́бре жи́ти,
Мѣшко́мъ хлѣ́ба не носи́ти,
На па́ньщину не ходи́ти,
Подуу́шного не плати́ти.
Ни за плу́гомъ, ни за ра́ломъ,
Называ́ють мене́ па́номъ.

33.

Ой лужéчки да бережéчки да водá понялá;
Да вжé-жъ мою́ да голóвоньку журбá обнялá.

Охъ и я́ журбу́, охъ и я́ тоску́ да на лúсту спишу́;
Охъ и я́ журбу́, охъ и я́ тоску́ на Дунáй пущу́.

Да плыви́, журбо́, да плыви́, тоскá, да по всéмъ берегáмъ;
Охъ и роздáй, Бóже, мою печáленьку по всéмъ вороráмъ.

Да зелéный дýбъ, да зелéный дýбъ, да безъ сóнця завъя́въ,
Молодéнькому да козáченьку Богъ дóлi не дáвъ.

Да не дáвъ дóлi, да не дáвъ счáстя, да не дáвъ талáна,
Да кудú я пôйду́, кудú повернýся — то всé чужúна.

34.

Ой въ пóлѣ могúла зъ вѣтромъ говорúла:
Повѣй, вѣтре, ты на мéне, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,
Щобъ на менѣ травá рослá, да щé й зеленѣла!

И вѣтеръ не вѣе, и сóнце не грѣе,
Тôльки въ степу́ при дорóзѣ травá зеленѣе!

Ой у степу́ рéчка, черéзъ рéчку клáдка:
Не покидáй, козáченьку, рôднéнького бáтька!

Якъ бáтька покúнешъ, самъ мáрне загúнешъ,
Рѣчéнькою быстрéнькою за Дунáй заплúнешъ.

— Бо-да́й та́я ре́чка ры́бы не плоди́ла:
Вона́ мого́ това́риша на-ве́ки вто́пила!
Бо-да́й та́я ре́чка кошу́ромъ заросла́:
Вона́ мого́ това́риша за Дуна́й занесла́!

35.

Лете́въ соколо́нько, да й се́въ на дубо́ньку,
Схили́въ-склони́въ голово́ньку ни́зъ до-доло́ньку.
Кли́че ма́ти сы́на зъ корчмы́ до-домо́ньку:
Иди́, сы́ну, до-домо́ньку, пропье́шъ худобо́ньку.
„Мати-жъ моя́, ма́ти, и са́мъ-же я ба́чу,
Що я́ свою́ худо́боньку усе́ ма́рне пра́чу.
Ой не по́йду́, ма́ти, до-до́моньку спа́ти:
Е на се́рдцѣ скорби́тонька, дале́ченько зна́ти.
Зна́ти ма́ти, зна́ти; ще́ знатне́йше бу́де,
Що́ учо́ра изъ-вечо́ра осуди́ли лю́де.
Не та́къ спарі́ лю́ди, якъ малы́и дѣ́ти:
Доведе́ться одъ ворого́въ въ кайдана́хъ сидѣ́ти!
Хочъ бу́ду сидѣ́ти, да зна́ному за́-що:
Неха́й зъ ме́не не смье́ться вся́кее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що робы́ти-ста́ти:
Запряжу́ чотырі́ волы́ да по́йду́ ора́ти!
Волы́ мои́ половы́и, чому́ не оре́те?
Ле́пта мои́ молоды́и, чому́ ма́рне иде́те?
„Якъ бы вы́ насъ поганя́ли, такъ бы мы́ и ора́ли!
„Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, такъ бы ва́съ слуха́ли.“

Запряжу́ чоты́рî ко́нî, ко́нî вороны́и,
Да поѣ́ду доганя́ти лѣ́та молоды́и.

Ой догна́въ же лѣ́та свои́ въ кали́новôмъ мо́стѣ:
Вернѣ́теся, лѣ́та мои́, хочъ до ме́не въ гостî!

Лѣ́та-жъ мои́, лѣ́та мои́, лѣ́та молоде́ньки̂!
Коли́ до́ля несчастли́ва — бу́дьте короте́ньки̂!

37.

Летѣ́въ го́лубъ да все́ роско́шно;
Лѣ́та мои́ молоды́и пôшли́ розто́чно.

Летѣ́въ го́лубъ да й упа́въ на са́дъ:
Лѣ́та мои́ молоды́и, вернѣ́ться наза́дъ!

38.

Лети́ть оре́лъ по-на́дъ мо́ремъ по высо́кôй высо-
ко́стî:
Пла́че коза́къ старе́сенькій да по своêй молодо́стî.

— Лѣ́та-жъ мои́ молоды́и, де́ ся вы подѣ́ли:
Чи вы въ луги́, чи въ байра́ки геть одъ ме́не по-
летѣ́ли?

Лѣ́та-жъ мо́и молоды́и, де́ ся вы подѣ́ли? . . .
Завили́ся въ клено́вый ли́стъ, да въ лѣ́съ полетѣ́ли!

Коза́цькая здобы́ченька ма́рне пропада́е:
Ты́ждень коза́къ заробля́е, за оди́нъ дёнь пропива́е."

39.

Да йшо́въ коза́къ зъ До́ну, да зъ До́ну до-до́му,
Да й сѣ́въ надъ водо́ю, проклина́е до́лю:
— До́ле-жъ моя́, до́ле, чо́мъ ты не така́я,
Ой чо́мъ не така́я, якъ до́ля чужа́я?

Що лю́ди не ро́блять, да въ жупа́нахъ хо́дять,
А я́ роблю́, дба́ю — и сви́ты не ма́ю;
Що лю́ди гуля́ють и ро́скоши̂ маю́ть,
А я́ роблю́, дба́ю — ничо́го не ма́ю! —
Обо̂зветься до́ля по то̂мъ бо́цѣ мо́ря:
„Коза́че-бурла́че! дурны́й ро́зумъ ма́ешъ,
Що ты́ свою́ до́лю ма́рне проклина́ешъ:
Ой неви́нна до́ля, ви́нна твоя́ во́ля —
Що ты́ заробля́ешъ, то все́ пропива́ешъ,
Що въ де́нь загорю́ешъ, за́ но̂чъ прогайну́ешъ,
А що́ затала́нишъ (174), то музы́ки наймешъ:
Ой гра́йте, музы́ки, изъ дво́ра до дво́ра,
Да що́бъ не жури́лась стара́ не́нька до́ма!...
— Якъ музы́ки гра́ли, то й на́съ лю́ди зна́ли,
А я́къ переста́ли, то й ла́яти ста́ли! —

40.

Ой не спа́въ я но̂чку темне́нькую,
Да не бу́ду спа́ти ще́ й другу́ю,
Да чому́-сь менѣ́ ну́дно
И на се́рденьку тру́дно,
Молоды́й коза́къ, са́мъ не зна́ю!

Да вѣ́ють вѣ́тры все бу́йныи,
Да иду́ть дожчи́ все дро̂бныи,
Зе́млю розруша́ють,
И траво́ю устила́ють,
Кра́снымъ цвѣ́томъ искраша́ють.

(174) Затала́нити или закала́нити — пріобрѣсть, нажить.

Да тепе́ръ рѣчки́ не глыбо́кіи
И на перево́зѣ не широ́кіи;
А луги́ изъ луга́ми,
Береги́ зъ берега́ми,
Де прохо́дятъ зъ корабля́ми.

А тепе́ръ не прохо́дятъ,
И бурла́къ не прово́дятъ
За вра́жими ворога́ми! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки́ до Мару́сѝ въ го́спѝ:
„Мару́сенько-па́нѝ! чи е́ тво́й панъ до́ма?
Коли́-жъ нема́ па́на, вы́йди до на́съ са́ма!“
Мару́сенька не по́зна́ла, въ черевѝчкахъ вы́йшла:
— Есте́ вы коза́ки, есте́ гайдама́ки! —

„Мару́сенько-па́нѝ! по чо́мъ ты по́зна́ла?
По чо́мъ ты по́зна́ла, пра́вдоньку сказа́ла?“

— По то́мъ я по́зна́ла, пра́вдоньку сказа́ла,
Що я́ свого́ па́на ко́ника по́зна́ла. —

„Мару́сенько-па́нѝ! не пра́вдоньку-жъ ка́жешъ:
Мы того́ ко́ника въ твого́ па́на купи́ли,
Въ зеле́но́й дубро́вѣ гро́шѝ полѣчи́ли,
Въ холо́дно́й крыни́цѣ могори́чъ запи́ли,
По́дъ гнилу́ коло́ду па́на по́дкопи́ли.

42.

(Галицкая).

„А що́ у то̂й Чорного́рѣ за воро́ни̂ ко́ни̂!
Ходѣ́мъ, бра́те, въ гайдама́ки, чу́емо черво́ни̂.
Ой и чу́емо черво́ни̂ въ па́на молодо́го...
Ой я́къ бы ихъ да ужи́ти зъ двора́ головно́го?“
— Ой я зна́ю, па́не-бра́те, я́къ то и̂хъ ужи́ти:
Молодо́го того́ па́на до стѣны́ приби́ти!
Ой приби́ти ру́ки, но́ги, ще межи́ плечи́ма,
Да що́бъ на на́съ во̂нъ диви́вся чо́рными очи́ма!

43.

На́-що-жъ тобѣ́, па́не-бра́те, торби́ну таска́ти?
Лѣ́пше тобѣ́, па́не-бра́те, люде́й розбива́ти.

Чи зна́ешъ ты, па́не-бра́те, що бу́демъ дѣя́ти:
Вы́рѣжемо вра́жихъ сыно̂въ, бу́демъ панова́ти!

Чи ба́чишъ ты, па́не-бра́те, за лѣ́сомъ моги́ла:
Чи ты́ умре́шъ, чи пови́снешъ — разъ ма́ти роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

44.

Ой по гора́мъ снѣги́ лежа́ть,
По доли́намъ во́ды стоя́ть,
А по шляха́мъ маки́ цвѣту́ть:
То не маки́, а чумаки́ —
Зъ Кры́му иду́ть, ры́бу везу́ть.

Ма́ши сы́на вызнава́ла,
Да не взна́ла — выклика́ла:
— Иди́, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́но тобѣ́ голо́воньку! —

„Измы́й, ма́ти, сама́ собѣ́,
Або́ моёй ро̂дно̂й сестрѣ́:
Мене́ змы́ють — дро̂бни̂ до́жчи̂,
А розче́шуть — гу́сти̂ пе́рны,
А просу́шить — ясне́ со́лнце,
А розку́дрють — бу́йни̂ вѣ́тры! . . .“

45.

Чума́ченьки коза́ченьки ка́шу вари́ли,
А сами́ сѣда́ли, пѣ́сню спѣва́ли:
„Хо́дить пу́га по лугу́,
Гне́ться шу́ръ-во̂лъ у дугу́.
Хо́дить пу́га по га́ю,
Кли́че дѣ́вку Га́лю.
Хо́дить пу́га по балка́хъ,
Пла́че пу́га по Козака́хъ.
Хо́дить пу́га по дубро́вѣ,
Що нема́е до́ли̂, до́ли̂!“

46.

Зацвѣла́ кали́на у лу́зѣ да попуси́ла квѣ́ты,
Не оди́нъ чума́нъ ки́да жо̂нку и дро̂бне́ньки̂и дѣ́ты.

До́бре було́ да чумакова́ти по́ки всю́ды було́ ро̂вно,
А то́ вже чере́зъ ти́и биле́ты да й ходи́ти не во̂льно.

Гей въ степу́ глыбо́ка крыни́ця, то̂льки вода́ блищи́тся;
Гей по̂йшо́въ-бы я до жо̂нки, дѣти́й — не ма́ю чѣ́мъ розплати́тьси.

47.

Ой ходи́въ чума́къ сѣ́мъ ро́къ по Дону́,
Да не було́ приго́донькы никóли ёму́.

Ой ишóвъ чума́къ зъ Крыму до-до́му,
Спа́лась ёму́ приго́донька за всю́ доро́гу,

Спа́лась ёму́ приго́донька не въ де́нь, а въ ночи́,
Занедýжавъ чума́ченько зъ Крыму идучи́,
При широ́кой доро́женьцѣ волы́ пасучи́.

Ой пôйшóвъ чума́къ въ Сама́ръ на база́ръ,
Черво́ною хусти́ною голóвку звяза́въ.

Ой упа́въ чума́къ, упа́въ да й лежи́ть,
Нихто́ ёго́ не спипа́е що́ въ ёго боли́ть.

Ой и боли́ть въ ёго се́рдце й голова́,
Помира́е чума́ченько, а ро́ду нема́.

Прійшóвъ до ёго́ опа́манъ ёго́,
Бере́ его́ за ру́ченьку, жалу́е ёго́.

„Опа́мане мôй, жа́луешъ мене́:
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укры́й мене́.

Бери́ мои́ волы́-возы́ — похова́й мене́,
Бери́ мое́ срéбло-зло́то — помина́й мене́.“

Изки́нувъ чума́къ свиту и кожу́хъ,
Припада́е къ сирôй землѣ, тéплый зво́де ду́хъ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе каппа́нъ:
„Волы́ мои́ половы́и, хто́-жъ бу́де вамъ па́нъ?

Да вда́рили зъ-ра́зу у вели́кій дзво́нъ,
Се́-жъ по тому́ чума́ченьку що ходи́въ на До́нъ.

Да вда́рили зра́зу въ дзвоны́ уво всѣ:
Се́-жъ по тому́ чумако́вѣ, що ходи́въ по со́ль.

Ой ишли́ волы́ да въ во́смерику́,
Задзвони́ли въ усѣ́ дзвоны́ по то́мъ чумаку́.

Ревну́ли волы́ у ново́мъ ярмѣ́;
Похова́ли чума́ченька въ чужо́й сторонѣ.

Ревну́ли волы́ степо́мъ идучи́;
Похова́ли чума́ченька, зъ Кры́му везучи́.

48.

Ой злетѣ́въ пу́гачъ на ялиноньку, да якъ *пу́гу да пу́гу*!
Гей, дотяга́йте сла́вни чума́ченьки да до те́много лу́гу!

Ой ра́дибъ мы носпѣша́ли, да чума́къ занеду́жавъ.
Ой занеду́жавъ да чума́къ Мики́та да на во́зъ похили́вся,

Да пра́вою ру́ченькою за се́рдце ухопи́вся,
Ка́ренькими о́ченьками на во́ликовъ подиви́вся.
„Ой волы́ мои́, да половы́и! хто́ вамъ Па́номъ бу́де?
Ой я́къ мене́ чумака́ Мики́ты на свѣтѣ не бу́де?“
— Ой то́й надъ на́ми бу́де панова́ти, хто́ насъ бу́де поганя́ти! —

Ой вы чума́ченьки, ой вы бурла́ченьки! ой вы лю́ди на все́ го́жи!
Ой изробѣ́йте чумако́ви Мики́тѣ домови́ну зъ рого́жи.
Та вы́рыйте надъ чумако́мъ Мики́тою да высо́ку моги́лу;
Та посадѣ́йте надъ чумако́мъ Мики́тою, да черво́ну кали́ну.

49.

Ой чума́че, чума́че!
Въ те́бе ли́чко коза́че.
Чомъ не ра́но зъ Кры́му йде́шъ,
Не всѣ́хъ чумако̂въ веде́шъ?
— Ой я ра́но зъ Кры́му йду́,
Всѣхъ чума́ченько̂въ веду́,
То̂лько̂жъ нема́ одно́го —
Мого́ бра́та родно́го! (а)
Шука́въ, шука́въ, не найшо́въ,
Запре̂гъ волы́ да й по̂шо́въ.
Ѣхавъ, ѣ́хавъ — моги́ла,
Кра̂й моги́лы — доли́на,
Та́мъ чумаки́ стоя́ли,
Та́мъ же и мы́ приста́ли.
Отама́не, ба́тьку на́шъ!
Пора́дь же ты тепе́ръ на́съ:
Що бу́демо роби́ти,
Чѣмъ во́лико̂въ корми́ти?
— А ще, хло́пцî, не бѣда́!
Есть у по́лѣ лобода́:
Косѣ́ть, хло́пцî, лободу́ —
Забува́йте сю́ бѣду́!
Косѣ́ть, хло́пцî, пшени́цю —
Въ чи́сто̂мъ по́лѣ метли́цю.
Ко́сѣть, хло́пцî, ве́сь спори́тъ —
Кормѣ́ть воло̂въ на бары́шъ.
Косѣ́ть, хло́пцî ота́ву —
Пасѣ́ть воло̂въ на сла́ву.

Косѣпь, хло́пцй, ще́ ячмѣнь —
Пойдемо въ Крымъ по со́ль!
Косѣпь, хло́пцй, и овёсъ —
Пойдемо у Одёсъ!
Косѣпь, хло́пцй, очере́пъ —
На́варимо вечеря́пь,
Уки́немо чабака́,
Да помяне́мъ чумака́! . . .

(а) Вмѣсто сихъ стиховъ поютъ еще такъ:

То́лько́ одного́ нема́ —
Вдо́винаго Ивана́:
Скла́лась ему́ причи́на,
Голо́воньку проби́ла —
Поламали́сь шерезы́,
Со́ль ва́жучи ни возы́.

50.

Да иде́ чума́къ да доро́гою,
Ме́дъ-вино́ кружа́е;
Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ воло́въ не ма́е.

— Да бѣжи́, хло́пку, да бѣжи́, малы́й,
Дава́й пана́мъ зна́пи:
Да неха́й паны́, да неха́й воны́
Шлю́пь воло́въ шука́пи! —

Ой у Кіёвѣ да на ры́ночку
У всѣ дзво́ны дзво́няпь. . .

Да огля́нешся да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликова́ъ го́нятъ.

Да огля́нешся да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликова́ъ женуть;
А за вола́ми да за воза́ми
Бусурме́на веду́ть.

Да веду́ть, веду́ть да бусурме́на
На кругу́ могилу:
— Да дивись, дивись, да бусурме́не,
На свою́ крайну. —

„Да тепе́ръ мене́, да ми́ли́ бра́тья,
Краина не ми́ла:
Що розсерди́вся мо́й оте́цъ и ма́ти,
Ще и ве́рна дружи́на!“

51.

У по́лѣ крини́ченька, холо́дна води́ченька;
Тамъ чума́къ воло́въ напова́е:
Воли́ ревуть, воды́ не пьють, доро́женьку чу́ють.

„Во-да́й же васъ, се́рі́ воли́, да до Кры́му не зходи́ли!
Якъ вы мене́ молодо́го навѣкъ засмути́ли ...“

Поме́ръ, поме́ръ чума́ченько въ недѣленьку вра́нцѣ;
Похова́ли чума́ченька къ зеле́но́мъ байра́цѣ.

Насыпа́ли чума́ченьку высо́ку моги́лу;
Посади́ли на моги́лѣ черво́ну кали́ну.

Прилете́ла зозу́ленька, да й сказа́ла: ку́-ку!
Пода́й, сы́ну, пода́й, о́рле, хочъ пра́вую ру́ку!

„Ой ра́дъ-бы я, моя́ ма́пи, обѣ-двѣ пода́пи;
Да налягла́ сыра́ земля́, не мо́жно по̀дня́пи!“